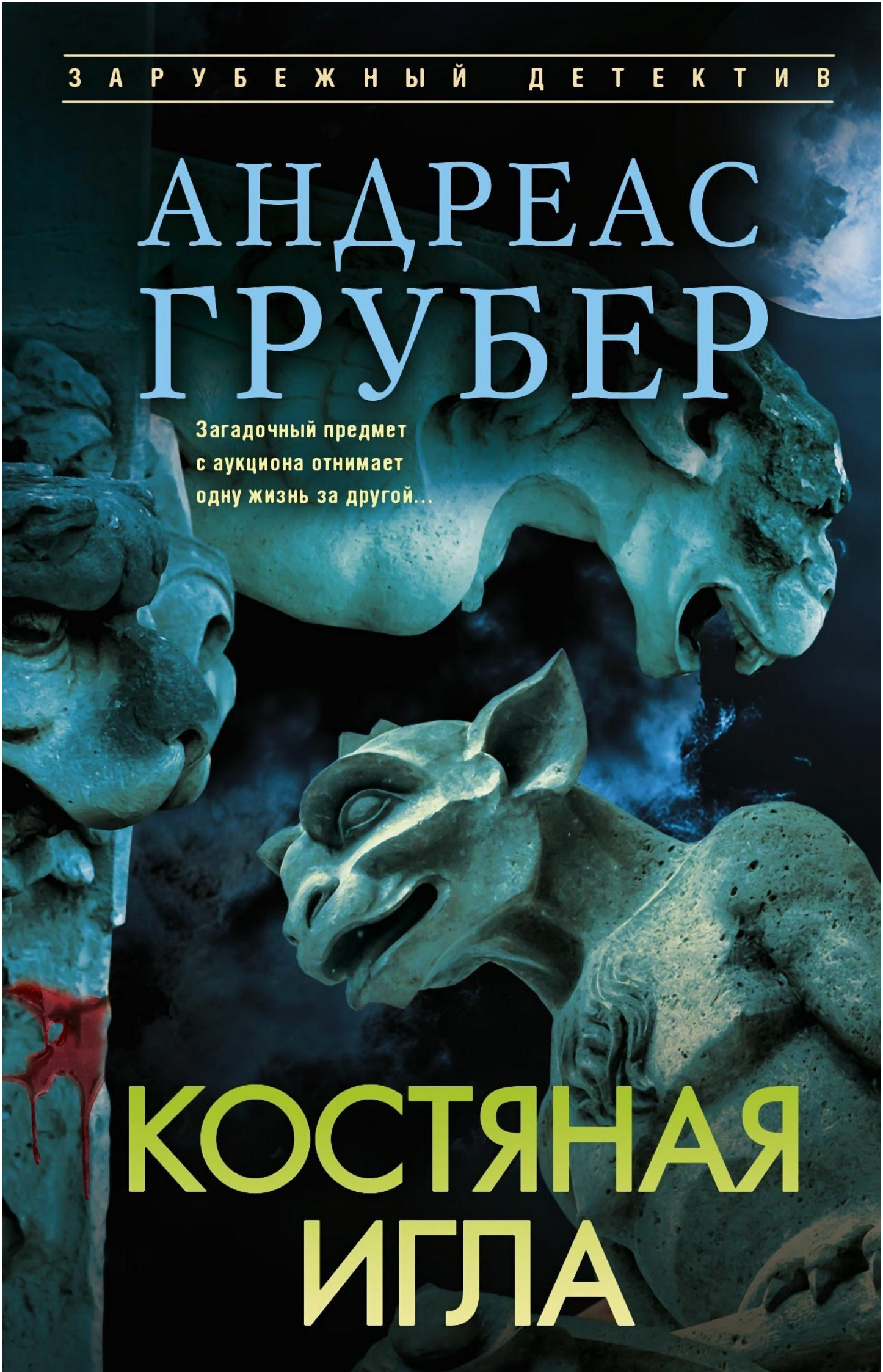
ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

АНДРЕАС ГРУБЕР

Загадочный предмет
с аукциона отнимает
одну жизнь за другой...

КОСТЯНАЯ ИГЛА

Зарубежный детектив (Гермес Букс)

Андреас Грубер

Костяная игла

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

2020

УДК 821.112.2
ББК 84(4Авс)

Грубер А.

Костяная игла / А. Грубер — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 2020 — (Зарубежный детектив (Гермес Букс))

ISBN 978-5-9524-6778-1

Венский частный детектив Петер Хогарт сопровождает свою подругу Элизабет на аукцион в Париже, где выставлено ценное произведение искусства – костяная игла работы средневекового мастера. По поручению страховой компании Элизабет должна проследить за тем, чтобы аукцион прошел без нарушений. Однако сразу после торгов при загадочных обстоятельствах исчезают и костяная игла, и сама Элизабет. А вскоре жестоко убивают антиквара – участника аукциона. Хогарт убежден, что эти события связаны между собой, и опасается за жизнь Элизабет. Поскольку французская полиция не реагирует на его доводы, Хогарт начинает собственное расследование и сразу понимает, что не только он заинтересован в поисках пропавшей костяной иглы. А когда появляется еще один труп, его расследование превращается в отчаянную гонку со временем…

УДК 821.112.2
ББК 84(4Авс)

ISBN 978-5-9524-6778-1

© Грубер А., 2020
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 2020

Содержание

Пролог 6
Часть первая 8
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 18
Глава 4 21
Глава 5 25
Глава 6 26
Глава 7 28
Глава 8 32
Глава 9 37
Часть вторая 40
Глава 10 41
Глава 11 44
Глава 12 46
Глава 13 49
Глава 14 53
Глава 15 56
Глава 16 60
Глава 17 64
Глава 18 66
Глава 19 70
Глава 20 73
Глава 21 75
Глава 22 77
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Андреас Грубер
Костяная игла

Andreas Gruber
Die Knochennade
Copyright © 2020 by Wilhelm Goldmann Verlag, Miinchen, in der Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH
© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2027
© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2027

Для Роберта Фройхофера, легенды покера из Грилленберга

Париж – это не просто столица Франции, а столица всего цивилизованного мира и место встречи его выдающихся умов. Здесь собрано все великое, рожденное любовью или ненавистью, чувством или мыслью, знанием или мастерством, счастьем или несчастьем, будущим или прошлым.

Генрих Гейне. Французские дела

Пролог

Эмё разбудил глухой звук. Она перевернулась в постели и нащупала свой будильник с собачкой Идефиксом. Красные цифры мигали. 00:09.

Очередное отключение электричества. Причем ровно девять минут назад.

Кстати, который на самом деле час? Эмме, сонно жмурясь, выдвинула ящик тумбочки, пошарила внутри и достала свои красные пластиковые наручные часы.

3:27.

Осталось всего три часа до того, как ей нужно будет вставать и собираться в школу. А что это был за шум? Не важно! Наверное, мама спустилась на кухню за стаканом воды и слишком сильно захлопнула дверцу холодильника… Вот опять! Глухой звук. Как от сильного удара!

Эме резко села в кровати. Она быстро выскользнула из-под одеяла, подкралась к двери, осторожно приоткрыла ее и прислушалась. Коридор тонул во тьме. Лишь бледный лунный свет слегка освещал ковер, комод и картины на стенах. Снизу доносились тяжелое дыхание и пыхтение.

Босиком, в теплой шерстяной пижаме, Эме прокралась к площадке широкой деревянной лестницы, ведущей на нижний этаж виллы. Отсюда греческие статуи в натуральную величину, стоявшие в холле с черно-белым мраморным полом, казались почти живыми. Их можно было обнаружить едва ли не в каждом углу дома. Благодаря страсти матери к коллекционированию девятилетняя Эме разбиралась в стилях искусства и культурных эпохах лучше, чем все ее одноклассницы, вместе взятые.

В этот момент в конце коридора на их этаже открылась дверь. Из комнаты на ковер пролился мягкий лунный свет, и в дверном проеме Эме увидела силуэт своего шестилетнего брата. Волосы Давида торчали во все стороны. В одной руке он держал плюшевого медвежонка, другой сонно тер глаза. Увидев Эме у лестницы, мальчик, покачиваясь спросонья, направился к ней. Несмотря на то что снизу по-прежнему доносились глухие удары и громкие стоны – кажется, это была мама, – Эме поспешно приложила палец к губам. Давид сразу все понял, бесшумно подошел и крепко прижался к сестре.

– Ты тоже это слышала? – едва слышно прошептал он.

– Да.

– Что там внизу?

«Не знаю», – хотела ответить Эме, но вдруг что-то с грохотом разбилось. Раздался звон осколков, словно на пол упала одна из драгоценных маминых фарфоровых ваз.

Эме вздрогнула, а Давид тихонько всхлипнул.

Тени из гостиной падали на плиточный пол холла. «Там внизу кто-то борется! С мамой!»

– Пойдем. Только тихо, – прошипела Эме.

Она схватила брата за руку и потянула за собой вниз. Лестница поскрипывала, но в том шуме, что стоял внизу, этого никто не мог услышать.

Добравшись до промежуточной площадки, Эме почувствовала холодный сквозняк. Она остановилась и огляделась. Одна из занавесок в холле вздувалась от ветра. На полу поблескивали осколки стекла. Кто-то разбил окно и проник в дом. Но почему не сработала сигнализация?

«Отключение электричества!»

Сердце Эме забилось еще быстрее. Она присела на корточки, Давид опустился рядом. С этого места, сквозь деревянные балясины перил, они могли заглянуть в гостиную. И они действительно увидели свою мать. С распущенными волосами, в кремовой ночной сорочке с оборками, она отчаянно боролась с человеком в темной одежде и маске.

Эме подавила крик. Она почувствовала, как Давид вцепился в нее.

– Беги наверх и позови папу, – прошептала она.

Но Давид не шелохнулся, он сидел на корточках, оцепенев от страха.

– Давай же! – прошипела Эме.

Давид поднял руку и указал в дальний угол гостиной. Там неподвижно лежал человек в светлом домашнем халате. Его короткие седые волосы серебрились в лунном свете. Теперь Эме действительно чуть не закричала. «Папа!» Незнакомец, должно быть, ударил его. «Пожалуйста, только будь жив!»

Тем временем мать отчаянно боролась с нападавшим. Тот схватил ее за горло и душил, подняв так высоко, что ее ноги судорожно дергались, едва касаясь пола.

«Мама!»

Сердце Эме словно остановилось. А что, если он убьет и ее? А потом поднимется наверх искать их? Именно в эту ночь они остались дома одни, потому что их мажордом – одновременно дворецкий и смотритель дома – взял выходной. Что грабителю здесь вообще понадобилось?

Вдруг Эме заметила, что отец зашевелился. Очень медленно, сначала руки, потом ноги. «Папа жив! Теперь все будет хорошо. Он придет на помощь маме и прогонит преступника».

– Смотри! – возбужденно прошептал Давид, показывая пальцем на отца, но Эме тут же зажала ему рот ладонью.

– Тихо! – прошипела она.

Отец поднялся на ноги. Одной рукой он держался за висок – видимо, именно туда его ударил незнакомец. Пошатываясь, он направился к человеку, который все еще сжимал мать мертвой хваткой.

– Ни шагу дальше! – прохрипел незнакомый голос.

Эме почувствовала, что Давид пытается вырваться и броситься вниз. Она крепче вцепилась в его руку, удерживая рядом. Он вскрикнул, и в то же мгновение прогремел выстрел.

Сердце Эме замерло.

Незнакомец отпустил шею ее матери. Она безвольно обмякла в его руках, медленно опустилась на колени, а затем упала лицом вперед, словно тряпичная кукла, и больше не шевелилась.

«Нет, нет, нет!»

Перед глазами Эме все поплыло. Она отпустила Давида и перила, за которые все это время держалась другой рукой. Хотела подняться, но вдруг почувствовала, как что-то теплое разливается вокруг ее ног. Запахло мочой. Давид от страха обмочился. С округлившимися глазами и открытым ртом он сидел рядом, не сводя взгляда с матери, неподвижно лежавшей на полу.

Когда Эме наконец смогла вдохнуть и ее зрение прояснилось, она уже не в силах была отвести глаз от мужчины внизу. Он и ее отец молча стояли друг против друга. Никто не двигался.

«Сейчас он убьет и папу!» – кричал ее внутренний голос. Она чувствовала себя совершенно беспомощной.

Пока не поняла, что во всей этой ситуации что-то не так.

– Папа? – прошептала она.

Пистолет был не у грабителя, а в руках ее отца.

Это он застрелил маму.

Часть первая
Париж

Пятнадцать лет спустя

Понедельник, 14 сентября

Глава 1

В самом центре Парижа стояла Опера Гарнье – Парижская опера, – которая, несмотря на небольшое отведенное ей пространство между высокими зданиями, величественно доминировала над городом.

Несколько лет назад торжественно отмечали ее 150-летие. Насколько было известно Петеру Хогарту, за несколько лет до открытия нынешнего здания в прежнем оперном театре произошел теракт – в результате взрыва части строения превратились в руины. «Значит, подобное случалось уже тогда». Необходимо было новое здание оперы с более высокими стандартами безопасности. «Звучит до боли знакомо». Поэтому был объявлен анонимный архитектурный конкурс, победителем которого стал молодой архитектор Гарнье.

Все, что и сегодня можно увидеть в Опере, – роскошные лестницы, балконы, колонные залы, арки, огромные люстры и потолочные фрески, – стало воплощением новаторского замысла Гарнье. Но, каким бы впечатляющим ни было это великолепие, с современной точки зрения меры безопасности оставляли желать лучшего. Факт, который сразу же привлек внимание Хогарта во время его визита в Оперу. Об этом ему говорил не только опыт страхового детектива, благодаря которому он раскрыл немало, казалось бы, неразрешимых дел, но и обычный здравый смысл. Однако он предпочел промолчать – в этот раз он находился в Париже исключительно как частное лицо.

Последняя в этот день экскурсия на немецком языке уже подходила к концу. Больше всего Хогарта поразила огромная сцена, уходившая далеко вглубь здания и простиравшаяся на пять этажей вниз. Сейчас еще продолжались летние каникулы, и рабочие сооружали новые декорации к открытию сезона. Кроме того, во время экскурсии Хогарт успел послушать репетицию мюзикла Les Misérables[1]. Мюзикл! Обычно на сцене театра ставили Моцарта или Верди, но, похоже, это должно было стать специальным событием к открытию сезона. Учитывая, что премьера была запланирована на эту субботу, все выглядело еще очень хаотично.

Осмотрев также боковые павильоны, вестибюль и фойе для антрактов, экскурсанты направились к тому, что считалось главной достопримечательностью.

– Вон там! – возбужденно прошептала Татьяна.

– Да это просто фейк, – остудил энтузиазм племянницы Хогарт. – Призрака Оперы никогда не существовало, это всего лишь выдумка писателя.

– И почему ты так уверен?

Она последовала за молодым экскурсоводом, который подвел небольшую группу туристов к темно-коричневой двери, обшитой деревянными панелями. Там гид широко развел руками.

– А в этой ложе сидел знаменитый Призрак Оперы и смотрел представления.

Под надписью «6 Places, 5 Louée»[2] висела табличка:

«Loge du Fantôme de l'Opéra»[3].

Ниже находилось круглое смотровое окошко, через которое можно было заглянуть внутрь.

Татьяна прижалась лицом к стеклу.

– Видишь? – прошипела она.

Хогарт лишь закатил глаза.

---

[1] Отверженные *(фр.)*.

[2] 6 мест, 5 забронированы *(фр.)*.

[3] Ложа Призрака Оперы *(фр.)*.

– И подземное озеро тоже существует, – не сдавалась она.

– Это такая же легенда, – тихо возразил Хогарт. – Во время строительства наткнулись на грунтовые воды, поэтому из-за требований к устойчивости здания и выравниванию давления установили огромный железный резервуар, который заодно служил запасом воды для пожарных…

– Спасибо, – перебила его Татьяна. – Я уже прочитала достаточно книг об этом. И фильм тоже смотрела.

– Диснеевский? – сухо спросил он.

– Нет, классический, 1925 года.

Хотя Татьяне уже исполнилось девятнадцать, в минуты восторга она иногда вела себя как ребенок. И эта молодая женщина собиралась, как и он, стать детективом!

– Благодаря мюзиклу Le Fantôme de l'Opéra[4] само здание Оперы в конечном счете стало декорацией для сценического произведения, – сказал экскурсовод. – На этом наша экскурсия подошла к концу.

Хогарт взглянул на часы. Половина пятого, аукцион должен начаться совсем скоро.

После бурных аплодисментов и нескольких евро чаевых группа разошлась. Татьяна сфотографировала ложу Призрака на свой мобильный телефон, затем мимоходом сделала снимок молодого экскурсовода в профиль, и уже в следующее мгновение Хогарт остался с ней наедине.

– Пойдем поищем Элизабет? – предложил он.

Татьяна кивнула. Они вернулись в вестибюль и направились в заднюю часть здания, где располагались технические и административные помещения.

– Какая роскошь! – восхищенно произнесла Татьяна.

Бесчисленные люстры и фонари заставляли сиять золотом не только мрамор, но и весь интерьер Оперы. Казалось, будто стоишь внутри гигантской шкатулки с драгоценностями. И несмотря на сотни посетителей с фотоаппаратами, вокруг все равно оставалось удивительно много свободного пространства. Открытая планировка охватывала как широкие лестницы, так и верхние балюстрады, с которых открывался вид на главный вестибюль. Как точно сформулировал Гарнье: Опера была построена для того, чтобы видеть и быть увиденным.

– Что будем делать потом, когда Элизабет закончит аукцион? – спросила Татьяна.

– Для начала уберемся отсюда, пока нас не выставили вместе с остальными посетителями. В шесть часов Опера закрывается. Можно подняться на Эйфелеву башню.

– А завтра?

– Сходим на могилу Джима Моррисона на кладбище Пер-Лашез, посмотрим Сакре-Кёр, покатаемся по Сене на кораблике или съездим в Версаль.

– Или, если будет дождь, отправимся на экскурсию по подземным катакомбам Парижа с вампирами и привидениями и осмотрим костницу, – предложила она.

Хогарт скривился. После сегодняшнего посещения Оперы ему уже хватило всей этой тщательно разыгранной мистики.

– Или зайдем в букинистический магазин, на книжную барахолку или в старый кинотеатр на ретроспективный показ, – предложил он. Еще в детстве он всегда прогуливал школьные экскурсии, предпочитая им утренние сеансы в кино.

– Какое захватывающее развлечение! – Татьяна подняла телефон, но тут же закатила глаза. – Связь здесь просто отвратительная.

Хогарт поднял взгляд к потолку.

– Массивное каменное здание.

– И как, по-твоему, мне здесь выходить в Интернет, если тут такая мертвая зона?

– Никак. Ведь представления не должны прерываться звонками мобильников.

---

[4] Призрак Оперы *(фр.)*.

– И они уже тогда знали об этом, когда строили Оперу?

Хогарт лишь покачал головой. Некоторые вещи обретали смысл только задним числом.

– О, заработало! – радостно воскликнула она. – Нам повезло, с завтрашнего дня обещают хорошую погоду.

– Кто обещает? Твое чудо-приложение погоды, которое еще вчера ошиблось?

– Приложения – это инструмент современного детектива, – наставительно сказала она. – Тебе тоже пора переходить на компьютерные технологии.

– У меня есть система, которая не зависает и не боится вирусов.

Татьяна вопросительно посмотрела на него.

Он лишь пошевелил пальцами, словно что-то писал:

– Бумага и карандаш.

– Очень прогрессивно.

– И кроме того, я работаю вот этим, – Хогарт постучал себя пальцем по лбу, – как делали детективы в старые добрые времена.

– Как бы тебе ни хотелось этого признавать, но именно сейчас и есть те самые добрые старые времена, по которым ты будешь тосковать через двадцать лет.

«Ну-ну, рассказывай!»

Все трое собирались пробыть в Париже до вечера пятницы, а начиная с завтрашнего дня – исключительно в частном порядке. Только сегодня у Элизабет были дела, потому что вечером в Опере пройдет аукцион, закрытый для публики и СМИ. По мнению Хогарта, место для такого мероприятия было довольно странным, но за свою жизнь он видел вещи и удивительнее. К тому же это совершенно его не касалось. Как бы то ни было, руководство Оперы поручило финансовое сопровождение аукциона страховому гиганту «Медеен энд Ллойд». Поскольку Элизабет работала в «Медеен энд Ллойд» оценщиком предметов искусства и одновременно была государственным лицензированным аукционистом, именно ей доверили проведение торгов. Благодаря французским корням по линии покойной бабушки и превосходному знанию французского антиквариата она идеально подходила для этой работы.

Хогарт сопровождал ее и, в порыве отеческого великодушия, взял с собой Татьяну. Все-таки этим летом его племяннице исполнилось девятнадцать, она давно мечтала увидеть Париж, параллельно с учебой в полицейской академии посещала вечерние курсы французского языка и на этой неделе еще была на каникулах. Но решающим фактором для Хогарта стало то, что поездка была исключительно туристической, а значит, у его юного детектива-любителя не будет возможности снова впечатлять его своими криминалистическими «познаниями».

– А что вообще будут продавать на аукционе? – спросила Татьяна.

– Понятия не имею. Я здесь как частное лицо.

Это была чистейшая ложь. Он прекрасно знал, что сегодня уйдет с молотка: экспонат размером около восемнадцати сантиметров, вырезанный из слоновой кости, работы французского мастера XII века Биро с очаровательным названием «Костяная игла». По мнению Хогарта, вещица была исключительно уродливой. Стартовая цена составляла 950 тысяч евро, а до вчерашнего дня костяная игла целый месяц выставлялась в Лувре, чтобы потенциальные покупатели могли с ней ознакомиться. Но пусть Татьяна сама это выясняет. Она ведь супердетектив. К тому же Хогарт был рад хоть раз не ломать голову над всей этой художественной чепухой.

Они прошли по длинному коридору и приблизились к небольшому аукционному залу. Вход туда преграждал натянутый между двумя позолоченными стойками бархатный шнур.

Высокий мужчина, в черной форме, с коротко остриженными рыжими волосами и выступающим подбородком, едва заметным движением руки остановил Хогарта и Татьяну. Рядом с ним стояла рослая женщина в такой же форме и внимательно их разглядывала.

– L'Auction[5], – коротко сказал Хогарт, прекрасно понимая, что по-французски это звучало весьма сомнительно. Он кивнул в сторону аукционного зала и помахал рекламным буклетом с изображением костяной иглы.

– Значит, ты все-таки знал! – прошипела Татьяна.

– Конечно.

Буклета оказалось достаточно, чтобы гигант-охранник снял бархатный шнур и пропустил их внутрь.

«950 тысяч евро, а меры безопасности просто смехотворные!»

Любой, кто хотел попасть внутрь, мог это сделать.

[5] Аукцион *(фр.)*.

Глава 2

Перед самым входом в зал они встретили Элизабет, увлеченно беседовавшую с пожилой дамой. На Элизабет был темно-синий брючный костюм, дополненный красным шарфом и красными туфлями на высоком каблуке. На лацкане пиджака красовался бейдж с надписью: «Elisabeth Domenik – commissaire-priseur»[6]. Она выглядела очень молодо, но в то же время невероятно компетентно и привлекательно. Даже облаченная в картофельный мешок, эта женщина выглядела бы настоящей красавицей – с волнистыми светлыми волосами и завораживающей улыбкой.

Заметив Хогарта, Элизабет подошла к нему и поцеловала.

– Привет, мой седой волк, – шепнула она, намекая на его возраст.

Затем повернулась к своей собеседнице и представила обоих:

– Мой спутник жизни Петер Хогарт и его племянница Татьяна.

Хотя Хогарт и Элизабет знали друг друга уже два с половиной года, вместе они были всего три месяца. Возможно, они немного поспешили, но договорились представлять друг друга окружающим как спутников жизни. Слова «бойфренд» и «девушка» казались им нелепыми: ей чуть за тридцать, ему – без малого сорок пять, так что оба уже давно вышли из этого возраста.

Хогарт всякий раз невольно улыбался, вспоминая их первый романтический вечер в ее любимом стейк-хаусе, когда она неожиданно протянула ему розу и сказала, что он сам до такого все равно бы никогда не додумался.

– Не ухмыляйся так глупо, – прошипела Элизабет, заметив его улыбку, после чего представила свою собеседницу: – Доктор Майер-Лански.

– Очень приятно познакомиться. – Пожилая дама, такого же роста, как Элизабет, была одета в черный костюм, седые волосы доходили ей до плеч. Она говорила почти без акцента на литературном немецком с легким берлинским диалектом. У нее было крепкое рукопожатие и пронзительно-голубые глаза. И этим холодным, внимательным взглядом она теперь практически препарировала Хогарта.

– Госпожа Майер-Лански – художественный руководитель Оперы, – пояснила Элизабет.

«Я так и подумал, что это не обычная посетительница».

– Очень приятно. – Хогарт улыбнулся. Такой «драконихе» персонал театра наверняка подчинялся без малейших возражений.

Хогарт заметил, что доктор Майер-Лански рассматривала Татьяну дольше, чем того требовала обычная вежливость. Особенно ее растрепанную копну черных дредов, ботинки Doc Martens и старую кожаную куртку, имеющую такой вид, словно еще дед Хогарта гонял в ней на мотоцикле в пятидесятых годах. Похоже, Татьяна выглядела экзотично не только в полицейской академии.

«Мы что, в зоопарке?» – словно говорил ее раздраженный взгляд. К счастью, татуировка паука на плече Татьяны оставалась скрытой от глаз Майер-Лански.

– Мы не хотели вам мешать, просто решили поздороваться, – сказал Хогарт и уже собирался было уйти.

– Никаких проблем. Мы как раз все обсудили, – заметила Элизабет. Она закрыла свою красную папку и закрепила на ней фирменную шариковую ручку «Медеен энд Ллойд». – Ну что, как вам экскурсия?

– Потрясающе! – просияла Татьяна. – Сцена просто отпад!

– А подземное озеро вы видели? – спросила Элизабет.

– Резервуар, – машинально поправил ее Хогарт.

---

[6] Элизабет Доменик – аукционист *(фр.)*.

– К сожалению, только через решетку.

– И ложу Призрака? – с любопытством продолжала Элизабет.

– Ты про ложу с табличкой? Да, ее мы тоже видели, – заговорщически понизив голос, ответил Хогарт.

Татьяна больно ткнула его локтем в бок.

– Да, она тоже классная!

Доктор Майер-Лански опустила очки на кончик носа и посмотрела поверх оправы.

– А ведь вполне возможно, что Призрак действительно существовал…

«Ну вот, опять начинается!»

– Вот видишь! – тут же воскликнула Татьяна.

– Пусть будет по-вашему, – сдался Хогарт. Тратить силы и спорить на эту тему ему совершенно не хотелось.

– Значит, вы в это не верите? – с вызовом спросила Майер-Лански.

– Я верю в хорошо организованную рекламную кампанию для туристов. – Он вспомнил бесчисленные маски, плакаты и флажки на тему Призрака, которыми был заставлен сувенирный магазин.

– А что, если роман Гастона Леру все-таки основан на реальных событиях? – заметила его собеседница, лукаво подмигнув.

«Надо же, она еще и кокетничать умеет».

– Вы имеете в виду, как Дракула, Франкенштейн или доктор Джекил и мистер Хайд? – парировал Хогарт.

Доктор Майер-Лански тяжело вздохнула.

– Если бы вы не были спутником жизни Элизабет Доменик, я не стала бы тратить на вас ни минуты своего времени, пытаясь восполнить пробелы в вашем образовании. Но в вашем случае сделаю исключение. К сожалению, первый подземный этаж скоро закроется. Зато завтра, если вы посетите специальную выставку при Опере, найдете там переписку Гастона Леру с Лоном Чейни.

Хогарт мгновенно насторожился.

– Тем самым Лоном Чейни? – невольно вырвалось у него. – Который сыграл Призрака в немом фильме 1925 года?

Теперь уже Майер-Лански удивленно приподняла брови.

– А вы, оказывается, не так уж невежественны, как стараетесь выглядеть.

– Это обманчивое впечатление, – пояснила Татьяна. – Просто мой дядя обожает старые черно-белые фильмы и коллекционирует автографы и киноафиши.

Хогарт предпочел пропустить этот укол мимо ушей. Лон Чейни! Вот это действительно было интересно.

– И каким образом эти письма оказались у вас? – с недоверием спросил он.

– Ну право же! Если кто и знает ответ на этот вопрос, так это я, – слегка раздраженно ответила Майер-Лански. – Все-таки я художественный руководитель Оперы, и у меня есть свои методы.

– И что же пишет Леру? Что видел Призрака собственными глазами?

Майер-Лански прищурилась, словно почувствовала, что над ней подтрунивают.

– Завтра сами прочтете эти письма.

– Обязательно! – Глаза Татьяны сияли.

И на этот раз Хогарт был с ней совершенно согласен. Уже сама возможность увидеть автограф Лона Чейни стоила еще одного визита в Оперу.

В этот момент мимо них прошли несколько очень элегантно одетых женщин и мужчин. Они предъявили сотруднику театра пригласительные карточки, и тот распахнул дверь в аукционный зал. Хогарт успел заглянуть внутрь. Зал был рассчитан приблизительно на семьдесят

человек, однако заполнен лишь на две трети. Сбоку располагался небольшой видеоэкран. На мониторе Хогарт различил силуэт мужчины. Судя по всему, один из участников торгов подключился к аукциону по видеосвязи, предпочитая сохранить анонимность перед остальными претендентами.

– Через несколько минут все начнется, – сказала Элизабет. – Почти все уже собрались.

«Почти все?»

Хогарт еще раз окинул взглядом зал.

– Целый месяц экспонат выставлялся в Лувре, а на аукцион пришло так мало желающих? – тихо спросил он.

Элизабет уже собиралась ответить, но доктор Майер-Лански опередила ее:

– Когда костяная игла неожиданно появилась полгода назад, разумеется, это вызвало большой резонанс. Однако нынешний аукцион – закрытый, публика сюда не допускается, участие возможно только по предварительной регистрации. А при такой стартовой цене интерес к лоту сохранился лишь у нескольких авторитетных антикваров. Качество важнее количества. Прошу меня извинить. Ах, месье Бонне… – С этими словами она направилась к невысокому пожилому мужчине с добродушным лицом, который, заметно прихрамывая, только что вошел в зал.

– Мог бы быть с ней и повежливее! – укорила Элизабет.

«Ну конечно. Я ведь сама мать Тереза», – мысленно огрызнулся Хогарт.

– Ты часто с ней пересекаешься?

– Да, а что? – удивилась Элизабет. – Она ведь очень приятная женщина, разве нет?

Хогарт скривился.

– Надеюсь, она держит все под контролем.

Элизабет нахмурилась.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да ничего.

– Что значит «да ничего»? Я слишком хорошо знаю этот твой взгляд. Ну же, говори!

Хогарт немного помолчал, затем нехотя произнес:

– Почему аукцион проводят именно в Опере? Почему не в музее или в специализированном аукционном доме?

Элизабет пожала плечами.

– У Майер-Лански большой опыт организации подобных мероприятий. К тому же Опера проводит такие аукционы далеко не впервые. Здесь уже продавались с молотка весьма значительные произведения искусства.

– Такие же ценные? – спросил Хогарт.

Она нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

Хогарт прикусил губу, не желая продолжать.

За него ответила Татьяна:

– Просто меры безопасности здесь совсем не похожи на те, что ожидаешь увидеть в Форт-Ноксе.

«Ну вот, даже малявка это заметила».

– Вот как? – Элизабет прижала папку к груди и скрестила руки. – Значит, детектив Огюст Дюпен и его помощница начинают беспокоиться? – с легкой язвительностью, но все еще улыбаясь спросила она.

– По-моему, тут совсем не до смеха, – серьезно ответил Хогарт. – Сюда может войти кто угодно! – Он кивнул в сторону громилы с рыжим ежиком волос, стоявшего в коридоре. – А этот горный тролль и его напарница даже не проверяют документы и не проводят досмотр.

– Его проводили еще при входе в Оперу.

– Да, но два входа в боковые павильоны никто не охраняет. – Он поднял взгляд к потолку. – Здесь нет камер видеонаблюдения. Доступ к туалетам свободен. Лестница на следующий этаж, к балконам и ложам, тоже открыта. А реальная стоимость экспоната как минимум вдвое превышает стартовую цену. Если кто-то и решится его украсть, то именно *сегодня* и именно *здесь*.

Элизабет наклонилась к нему и почти шепотом сказала:

– На самом деле мы рассчитываем продать его более чем за три миллиона евро.

У Татьяны от удивления широко распахнулись глаза.

– Им интересуются не только владельцы галерей и частные коллекционеры, – пояснила Элизабет. – За него готовы бороться и крупнейшие музеи мира.

– Три миллиона! И тебя это совершенно не тревожит? – раздраженно прошипел Хогарт. – Просто не верится. Ты ведь сама постоянно имеешь дело со страховыми мошенничествами. Обычно ты куда более…

Элизабет лишь загадочно улыбнулась.

– У меня все под контролем.

– Неужели я здесь единственный, кто видит проблему? – Последние слова Хогарта прозвучали громче, чем он рассчитывал. Даже доктор Майер-Лански и месье Бонне обернулись в их сторону.

– Пойдемте, я кое-что вам покажу. – Элизабет взяла Хогарта под руку и увела в укромную нишу. За ними, сгорая от любопытства, последовала Татьяна.

Убедившись, что за ними никто не наблюдает, Элизабет достала из внутреннего кармана пиджака черный 20-сантиметровый футляр и раскрыла его. На темно-бордовом бархате покоилась искусно вырезанная из слоновой кости игла длиной около восемнадцати сантиметров. Ее поверхность была покрыта множеством сквозных отверстий, круглых углублений и тончайших резных узоров. Хогарт осторожно коснулся артефакта. Игла напоминала миниатюрный меч – ее длинное узкое лезвие имело такую же острую режущую кромку, как настоящий нож.

– И эта уродливая штуковина стоит три миллиона? – выпалила Татьяна и тут же испуганно прикрыла рот ладонью. – А кому она вообще принадлежит? – почти неслышно прошептала она. – Лувру?

– Нет. В Лувре игла была лишь выставлена. Она принадлежит частному коллекционеру, эта дама решила с ней расстаться, – ответила Элизабет. – Она сняла с волос очки для чтения и надела их. – Вот здесь, под этим небольшим выступом, видна крошечная гравировка.

– Сделано на Тайване? – пошутил Хогарт. Но уже в следующее мгновение слова застряли у него в горле. На поверхности действительно имелась маркировка производителя – настолько миниатюрная, что ее почти невозможно было заметить. Рядом со словом «Дубликат» стоял регистрационный номер какой-то фирмы. – Что это значит? Эта вещь ведь никак не может быть из двенадцатого века.

– Именно так, – тихо ответила Элизабет. – Это керамическая копия, искусственно состаренная. По моей рекомендации ее специально изготовили для аукциона, воспроизведя оригинал с точностью до мельчайших деталей. Исключительно из соображений безопасности.

– А в Лувре?.. – так же тихо спросила Татьяна.

– В Лувре выставлялся настоящий артефакт. А под стеклянным колпаком на аукционе окажется именно эта копия.

Хогарт заметно расслабился.

– Кто об этом знает?

– Только доктор Майер-Лански, Хельмут Раст, я… и теперь вы.

Компания «Медеен энд Ллойд» была совсем не той страховой фирмой, где оформляют обычные полисы на квартиру или автомобиль. Здесь страховали состояния: скаковых лошадей, бриллианты, коллекционные автомобили, полотна эпохи барокко, товарные поезда, авиаком-

пании и даже целые флоты нефтяных танкеров. Перечень дополнительных услуг был длиннее телефонного справочника Парижа. Имея более двухсот пятидесяти офисов по всему миру и годовой оборот три миллиарда евро, «Медеен энд Ллойд» входила в число крупнейших игроков страхового рынка. Теперь Хогарт окончательно понял, почему Хельмут Раст – исполнительный директор и директор венского филиала – отправил в Париж именно Элизабет. Она действительно предусматривала все.

– А где сейчас настоящая костяная игла?

Глаза Элизабет загорелись от восхищения.

– Во время аукциона она будет храниться в сейфе одного из помещений за залом. А после окончания торгов мне передадут ее в переносном сейфе.

Хогарт посмотрел на нее с сомнением.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, – сказала Элизабет. Восхищение в ее взгляде исчезло. Она захлопнула узкий футляр и снова спрятала его во внутренний карман пиджака. – Но для перевозки мне выделили двух сотрудников службы безопасности Оперы. Доволен?

– И кто же они?

– Ты почувствуешь себя спокойно, только когда будешь все знать, да?

– Просто мне постоянно приходится иметь дело с убийцами, ворами и страховыми мошенниками, – оправдывался Хогарт. И тут же поймал себя на мысли, что даже в отпуске не способен отключиться от работы.

– Охранника зовут Жирар, его напарницу – Изабель. Они специализируются на сопровождении особо ценных грузов и оба вооружены. Кроме того, Жирар – призер соревнований по семиборью и знает двенадцать способов убить человека голыми руками менее чем за три секунды.

– Ты сейчас шутишь?

Элизабет вскинула бровь.

– Неужели ты всерьез думаешь, что я стала бы выдумывать настолько дешевую шутку? – Она достала из сумочки небольшую карточку и протянула ее Хогарту. – Но если ты все равно переживаешь – вот, здесь собраны все экстренные телефоны Парижа.

Хогарт пробежал взглядом по карточке: полиция, пожарная служба, скорая помощь, такси, больницы, посольство Австрии и еще целый список полезных контактов. Он убрал ее в карман и глубоко вздохнул.

– А где сейчас эти супергерои? В туалете надевают плащи?

Элизабет кивнула в сторону коридора, где по-прежнему стоял громила с рыжим ежиком волос.

– Это и есть тот самый «горный тролль», как ты его назвал, и его напарница. Если появятся воры, он с ними быстро разберется.

Глава 3

После того как двери аукционного зала закрылись, чтобы торги могли начаться ровно в 17:00, Хогарт и Татьяна вышли к колоннаде. Эта часть здания находилась под открытым небом и напоминала огромный балкон с колоннами и арками, расположенный над главным входом. Отсюда открывался вид на широкий проспект, тянувшийся до самого фасада Лувра, за которым находилась стеклянная пирамида. Еще дальше по городу извивалась Сена.

Облака, которые утром полностью затянули парижское небо серой пеленой, к этому времени рассеялись. Похоже, приложение Татьяны не ошиблось. Вечер выдался солнечным, а по балкону гулял приятный ветерок. Возможно, сентябрь еще порадует настоящим теплом.

Хогарт расстегнул пиджак и облокотился на мраморную балюстраду. Стоящая рядом с ним Татьяна приблизила изображение Лувра камерой своего телефона и сделала снимок. Поразительно, насколько хороши современные камеры! Можно было почти различить отдельные кирпичи, переплеты окон и кровельную черепицу.

В этом отношении Хогарт был человеком старой школы. Да и, по правде говоря, почти во всем остальном тоже. Он любил не только классические черно-белые фильмы, но и пластинки Мадди Уотерса, Джона Ли Хукера, Дюка Эллингтона, а также джаз 1930-х годов. Современные технологии его мало интересовали. В его старенькой «шкоде» даже не было навигатора. Впрочем, чтобы разоблачать страховых мошенников, к счастью, не нужны ни Wi-Fi, ни базы данных, ни какие-либо приложения. Для этого достаточно острого глаза, смекалки и умения понять психологию преступника.

И именно потому, что, несмотря на старомодные методы, Хогарт был настоящим мастером своего дела, недостатка в заказах он не испытывал. Чаще всего ему поручали крупные расследования: пожары на предприятиях, необычные несчастные случаи или масштабные кражи. Страховые мошенники были уверены, что придумали идеальную схему абсолютно правдоподобного обмана, но рано или поздно каждый из них допускал ошибку. Задача Хогарта заключалась в том, чтобы эту ошибку обнаружить. Работая как фрилансер, он мог одновременно выполнять задания для нескольких страховых компаний, не будучи связанным ограничивающими пунктами о неконкуренции.

Но сейчас у него наконец-то был отпуск, и он надеялся, что вскоре то же самое можно будет сказать и о Элизабет. Хогарт провел рукой по своей седеющей трехдневной щетине. Прямо под колоннадой на ступенях главного входа сидели уличные музыканты. Они играли на гитаре, аккордеоне и синтезаторе – смесь шансона и французских баллад.

– Отличная музыка, правда? – поддразнил Хогарт племянницу.

– Невероятно. – Татьяна засунула палец в рот и сделала вид, будто ее сейчас стошнит.

Хотя она любила Францию и Париж, такую музыку терпеть не могла. Сама же под сценическим именем Spider – отсюда и татуировка – играла на бас-гитаре в женской панк-группе под названием Johnny Depp. Девушки уже давно переросли уровень обычной гаражной группы: они записали свой первый альбом в профессиональной студии и даже успели дать несколько концертов. Если раньше они пели на немецком языке, то теперь перешли на английский и довольно нескромно назвали свой дебютный альбом Greatest Hits[7]. Этот диск сейчас лежал в CD-плеере арендованной машины Хогарта, припаркованной возле их отеля на Монмартре. Конечно, музыка была совсем не похожа на его любимый джаз, но ее можно было слушать, не опасаясь повредить слух.

– А сколько обычно длится такой аукцион? – спросила Татьяна, закончив фотографировать во всех направлениях.

---

[7] Лучшие хиты *(англ.)*.

– При стартовой цене в 950 тысяч евро ставки сначала повышаются на 25 тысяч, а затем – на 50 тысяч. Не больше десяти – пятнадцати минут – и все закончится. Вообще, ничего особенного.

Татьяна посмотрела на часы.

– Тогда он уже давно должен был закончиться.

– Я отправил Элизабет СМС-сообщение, что мы здесь. Она с нами свяжется, – успокоил ее Хогарт. – Но пройдет еще какое-то время, прежде чем она выйдет. – «Если она вообще получит сообщение».

Татьяна задумчиво поиграла пирсингом в губе и вопросительно посмотрела на него.

– А что происходит потом?

– Если все проходит так же, как на других аукционах, которые я знаю, то Элизабет проверит подлинность костяной иглы, а затем оформит для покупателя страховой полис, чтобы до момента передачи предмета не было никаких рисков.

– И это занимает столько времени?

– Затем покупатель переводит деньги на депозитный счет нотариуса, который работает с компанией «Медеен энд Ллойд», а Элизабет должна организовать перевозку иглы в банковскую ячейку, где она будет храниться до передачи покупателю.

– А потом?

Хогарт пожал плечами.

– Потом ее либо доставят покупателю, либо он заберет ее сам. В общем, ничего особенно сложного, – успокоил он ее. «Хотя по дороге к банковскому сейфу может случиться все, что угодно».

– А, вот вы где! – раздался позади них голос.

Хогарт обернулся. Перед ними стояла доктор Майер-Лански. В солнцезащитных очках, слегка вытянув шею, она посмотрела в сторону горизонта, туда, где виднелся Лувр, затем перевела взгляд на Хогарта.

– Госпожа Доменик сказала мне, что я найду вас именно здесь.

– Аукцион уже закончился? – спросил Хогарт.

Майер-Лански кивнула.

– Госпожа Доменик сейчас заканчивает оформлять документы.

– Как и договаривались, мы сопроводим ее вместе с Жираром и его коллегой до Banque de Paris, – пояснил Хогарт. – Затем они отправятся в отель.

– Хорошо. Насколько мне известно, мадемуазель Перрен из банка уже ждет ее там. – Майер-Лански посмотрела на наручные часы, затем улыбнулась Хогарту: – Приятно знать, что во время перевозки рядом будет такой человек, как вы.

Она явно над ним подтрунивала, но Хогарт ничего не ответил. По крайней мере, так ему не придется платить за такси до отеля, который находился неподалеку от банка.

– И за сколько же продали костяную иглу? – спросила Татьяна.

Майер-Лански огляделась. Ближайшие туристы стояли в нескольких метрах от них и фотографировали панораму. Тогда она понизила голос:

– Это было захватывающе.

«Разумеется!» Хогарт подавил зевок. Ему как можно скорее нужен был крепкий двойной эспрессо без сахара.

– Вплоть до самого конца, когда все остальные заинтересованные покупатели уже давно выбыли из гонки, четыре арт-дилера и один бизнесмен вели долгую и ожесточенную борьбу за лот, – рассказала Майер-Лански.

– В итоге ее все-таки приобрел скандинавский бизнесмен? – как бы между прочим спросил Хогарт.

Татьяна удивленно посмотрела на него.

Даже Майер-Лански приподняла брови.

– Вы на удивление хорошо осведомлены.

– Я слышал, что он заранее объявил о своем намерении заполучить этот экспонат любой ценой, – объяснил Хогарт.

На самом деле никто ничего заранее не объявлял – было бы довольно глупо делать такие заявления публично. В действительности Хогарт еще в самолете по пути в Париж заглянул в красную папку Элизабет, пока она спала рядом.

– Это ведь тот участник, которого подключили по видеосвязи? – спросил он.

– Да. И именно он действительно выиграл торги, – ответила Майер-Лански, снова понизив голос. – Он купил костяную иглу за 7,3 миллиона евро.

У Татьяны от удивления отвисла челюсть.

– Поздравляю. – Даже Хогарт на мгновение был ошеломлен. Сумма была значительно выше той, на которую рассчитывала Элизабет. Для «Медеен энд Ллойд» эта сделка оказалась невероятно выгодной. Наверняка на свои комиссионные Элизабет теперь закатит для них роскошный ужин в ресторане на Эйфелевой башне.

– Мне пора. Опера скоро закроется для дневных посетителей. Сейчас я дам небольшое интервью газете Le Monde, а потом мне еще нужно заняться подготовкой к открытию нового сезона. Было очень приятно с вами познакомиться. – Она пожала руки Хогарту и Татьяне, после чего скрылась за распашной дверью, ведущей в фойе для антракта.

«Le Monde», – с тревогой подумал Хогарт. Если Майер-Лански в порыве восторга случайно проговорится, кто именно купил иглу, то все воры города немедленно достанут из подвалов свои инструменты для взлома.

По громкоговорителям прозвучало объявление, и в течение следующих пятнадцати минут колоннада постепенно опустела. Хогарт тоже посмотрел на часы. Теперь ожидание и вправду затянулось. С момента окончания аукциона прошло уже как минимум полчаса.

– Пойдем обратно к аукционному залу, – наконец сказал он.

Татьяна последовала за ним.

Незадолго до 18:00 они добрались до коридора. Веревочное ограждение с позолоченными стойками уже убрали. Ни Жирара, ни его коллеги нигде не было видно.

Дверь в аукционный зал стояла открытой, но внутри никого. Видеоэкран был выключен, а на ковре валялся рекламный буклет. Стеклянный колпак на аукционном столе был пуст. Наконец из двери, ведущей в помещение с сейфом, вышел невысокий пожилой мужчина в сером костюме с криво завязанным галстуком. В руках он держал несколько документов.

– Вы не знаете, где Элизабет Доменик? – спросил Хогарт.

Но мужчина лишь непонимающе посмотрел на него. Лишь после того, как Татьяна перевела вопрос на французский, его лицо просветлело и он принялся оживленно жестикулировать.

– Аукцион уже давно закончился, – перевела Татьяна. – Элизабет получила костяную иглу в переносном сейфе. После этого она ушла вместе со своими сопровождающими.

«Ушла? Куда, черт возьми, они отправились? И почему она не сообщила нам?»

Глава 4

Хогарт сразу же бросился к главному входу, Татьяна поспешила следом за ним. Они стремительно сбежали по широкой лестнице, с трудом протискиваясь между посетителями, которые направлялись к выходу.

Он вытащил из кармана телефон и проверил его. Ни одного сообщения!

– Элизабет тебе писала? – тяжело дыша, спросил он.

– Нет! – крикнула Татьяна.

Черт! Либо она действительно не выходила на связь, либо всему виной был ужасный прием сигнала в этом здании.

– Думаешь, что-то случилось?

– Нет, – солгал он.

На самом деле его интуиция весь вечер подсказывала ему, что здесь что-то не так – независимо от мер безопасности! Почему, черт возьми, Элизабет так и не связалась с ним?

Они протиснулись через вестибюль и направились к дверям, ведущим наружу. Гул проходивших мимо людей наполнял зал. Каждый раз, когда одна из дверей открывалась, до него доносились песни уличных музыкантов.

Хогарт позвонил Элизабет. Автоответчик!

Он огляделся и в этот момент заметил Изабель. Высокая женщина в черной униформе стояла у одной из дверей. С облегчением Хогарт опустил плечи.

– Вон Изабель, – сказал он Татьяне и замедлил шаг.

Они направились к сотруднице службы безопасности.

– Что-то не так, – прошептала Татьяна.

В этот момент Хогарт тоже это заметил. Изабель вытянула шею и беспокойно озиралась по сторонам.

Черт возьми!

Наконец они подошли к женщине.

– Где Элизабет? – сразу выпалил Хогарт.

– Это ее спутник жизни, а я его племянница, – объяснила Татьяна по-французски.

– Знаю, – ответила Изабель по-немецки, но с сильным французским акцентом. Она выглядела крайне встревоженной. – Я вышла за машиной. Госпожа Доменик тем временем собиралась пройти в гардероб.

– Одна?

– Нет, конечно. С Жираром.

Хогарт посмотрел через стеклянную дверь на улицу. У подножия лестницы действительно стоял темный лимузин с эмблемой Парижской оперы, прямо под знаком «Стоянка запрещена». Его окружали четыре желто-черных сигнальных конуса.

– Почему вы не пошли искать их?

– И где, по-вашему, мне было искать? Возле гардероба? – Изабель продолжала тревожно оглядываться. – Тогда они могли бы пройти мимо меня через один из других выходов. Посмотрите вокруг! Здесь столько людей. Отсюда я лучше все вижу.

– У вас есть номер Жирара? – спросил Хогарт.

– Есть. Но в этом здании от него мало толку.

О боже! Растерянный, Хогарт посмотрел вверх по белой мраморной лестнице, ведущей к гардеробу, который был расположен между сувенирным магазином и интернет-корнером. Натянутые повсюду красные ленты направляли туристов к различным выходам. Вестибюль постепенно пустел, но ни Элизабет, ни Жирара нигде видно не было.

Он быстро вышел наружу и проверил телефон. Ни одного сообщения! Затем снова вернулся в здание.

– Оставайтесь здесь, – бросил он Изабель и стремительно направился к гардеробу.

Татьяна поспешила за ним. За стойкой сидела женщина рядом с тарелочкой с монетами. На вешалках осталось лишь несколько пальто и курток. В углу лежали рюкзаки, рядом стояли пакеты с покупками.

– Элизабет Доменик здесь была? – спросил Хогарт.

Женщина непонимающе посмотрела на него. «Черт! Никогда больше не летай в страну, языка которой не знаешь в совершенстве».

Хогарт неплохо читал по-французски и мог понимать речь, если внимательно слушал. Но говорить почти не умел, а писать тем более. Ему просто не хватало практики.

Пока Татьяна переводила его слова и описывала внешность Элизабет, Хогарт вспомнил номер жетона, который ей выдали за куртку и его пальто.

– Treize[8], – наконец сказал он.

Женщина кивнула и что-то ответила.

– Элизабет действительно была здесь, – перевела Татьяна. – Но одна.

«Одна? Где, черт побери, Жирар?»

– Но она не забрала свою куртку, а только спросила о ней, – растерянно добавила Татьяна.

– Значит, куртка все еще здесь. – Хогарт вытянул шею и посмотрел в сторону вешалки с номером 13. Там по-прежнему висела тонкая черная куртка Элизабет. Похоже, она приходила лишь затем, чтобы что-то из нее взять. Это могло означать, что она и Жирар все еще находились в здании.

Пока гардеробщица снимала куртку с вешалки, Хогарт понемногу успокоился. Наконец женщина положила ее на стойку. Он тут же тщательно проверил все карманы – снаружи и внутри. Он был уверен, что они окажутся пустыми. Но во внутреннем кармане его пальцы наткнулись на что-то твердое и продолговатое. Он осторожно вытащил находку.

«Элизабет ничего не доставала из куртки, а что-то туда положила!»

В руках Хогарта оказался черный футляр. Пока другие посетители подходили к стойке за своими вещами, он повернулся к Татьяне и открыл его. Они одновременно заглянули внутрь.

– Охренеть! – вырвалось у Татьяны.

На красном бархате лежала костяная игла.

– Это настоящая? – едва слышно спросила она.

– Пока не знаю. – Хогарт осторожно нажал на острый конец иглы, и она приподнялась из углубления. Татьяна уже потянулась к ней, чтобы перевернуть, но он резко отдернул футляр.

– Не трогай! – прошипел он.

– Что-о-о?!

– Отпечатки пальцев, – тихо пояснил Хогарт. Он приподнял футляр так, чтобы можно было увидеть нижнюю сторону иглы. Там отчетливо виднелось клеймо. – Это всего лишь дубликат. – Он снова опустил иглу в бархатное углубление. Похоже, копия больше не была нужна Элизабет, и она решила оставить ее здесь.

– А где настоящая?

– В сейфе, вместе с которым исчезла Элизабет. – Он закрыл футляр и убрал его во внутренний карман пиджака.

– Без куртки? – недоверчиво спросила Татьяна.

Это был веский довод.

Гардеробщица обслужила еще двух посетителей и снова подошла к ним. Хогарт, кивнув в знак благодарности, протянул ей куртку Элизабет. Но, прежде чем повесить ее обратно, жен-

[8] Тринадцать *(фр.)*.

щина указала в сторону интернет-корнера и сказала Татьяне еще одну фразу. Даже без перевода Хогарт понял почти все. Элизабет заходила туда.

«Что на тебя нашло? Снаружи все на взводе, а ты, имея при себе бесценную костяную иглу, спокойно идешь в интернет-зону? И никому ничего не говоришь?»

Хогарт поблагодарил женщину и вместе с Татьяной поспешил к интернет-корнеру.

Странно! Раньше он видел такие интернет-зоны только в холлах отелей. Но, видимо, из-за плохого приема мобильной связи в здании Оперы для посетителей установили компьютеры с высокоскоростным подключением по оптоволоконной сети.

Подойдя ближе, они увидели лишь около двенадцати рабочих мест с компьютерами, на мониторах которых мерцали заставки с изображением Парижской оперы. Ни Элизабет, ни Жирара! Лишь какой-то молодой парень собирал свои вещи. Интернет-корнер закрылся для посетителей еще несколько минут назад.

Черт!

Татьяна подошла к французу и что-то спросила.

Вернувшись, она перевела:

– Он здесь совсем недавно и никого не видел.

Хогарт стиснул зубы так сильно, что заходили желваки.

«Какого черта ей здесь понадобилось? Или гардеробщица ошиблась и Элизабет вообще сюда не заходила?»

Он уже собирался развернуться и пойти к Изабель, как вдруг его взгляд упал на последний компьютер в дальнем углу, рядом с лазерным принтером. На этом мониторе не было заставки. Там все еще была открыта интернет-страница.

Хогарт прищурился и подошел ближе. Возле клавиатуры лежала шариковая ручка.

– Петер? – окликнула его Татьяна.

– Я сейчас.

На экране была открыта лишь обычная страница поисковой системы. Но на ручке красовался логотип «Медеен энд Ллойд», который Хогарт очень хорошо знал.

Проклятье! Она действительно была здесь. Он положил ладонь на стул. Тот был еще немного теплым. И тут под столом что-то блеснуло. Очки Элизабет! Хогарт опустился на колено и заглянул под стол. За дужку цеплялся длинный светлый волос.

«Это становится все более жутким!»

Он внимательно осмотрел красный ковер. Кроме очков, никаких следов. Ни на полу, ни на столе. Никаких пятен крови, никаких других подозрительных улик. Ничего!

К этому времени рядом уже стояла Татьяна.

– Последний раз она была именно здесь, за этим компьютером.

Хогарт огляделся. Рядом с рабочими местами тянулся проход к туалетам. С другого конца в него проникал дневной свет. Оттуда же доносились приглушенные голоса. Похоже, проход вел к боковому павильону. И именно в этот момент навстречу им оттуда почти бегом вышел человек, которого невозможно было не заметить. Почти метр девяносто ростом, широкие плечи, ежик на голове. Жирар! И он был один!

Хогарт выпрямился и поправил пиджак.

– Где Элизабет? – крикнул он.

– Вы друг мадам Доменик, верно? – тяжело дыша, произнес Жирар по-немецки с сильным французским акцентом. Он был явно взволнован.

– Да, ее спутник жизни… не важно! Где она?

– Я не знаю.

– Что значит – не знаете?

– Мадам Доменик хотела сначала зайти в гардероб, а потом в туалет – немного привести себя в порядок.

– И вы оставили ее одну?

– Нет. совсем ненадолго. Она попросила меня подождать ее у лестницы и пока осмотреться вокруг.

– Осмотреться? И вы согласились? – не сдержался Хогарт.

– Ей показалось, что за нами кто-то следит. Я не хотел оставлять ее одну, но она объяснила, что после того, как я все проверю, мне нужно ждать ее возле входа в женский туалет.

– Но, разумеется, ее там уже не было! – воскликнул Хогарт. – Вы должны были сопровождать Элизабет в любом случае! Это была ваша обязанность!

Но сейчас злиться уже не имело никакого смысла.

– А сейф? – спросила Татьяна.

– Я хотел забрать его себе, пока мадам Доменик будет в туалете, – ответил Жирар. – Но она сказала, что ответственность за него лежит только на ней.

Это было очень похоже на Элизабет. К тому же Жирар оказался вовсе не тем неуклюжим телохранителем, каким Хогарт его представлял. По крайней мере, по-немецки он говорил гораздо лучше, чем сам Хогарт по-французски.

Хогарт снова достал телефон и нажал кнопку повторного вызова. Индикатор сигнала на экране показывал одну полоску. Соединение установилось. Пошли длинные гудки. Один, второй. и снова включился автоответчик.

«Здравствуйте… Вы позвонили… Элизабет Доменик… – сквозь треск и помехи донесся ее голос, – в данный момент. я недоступна. Пожалуйста, оставьте.»

Вдруг запись оборвалась прямо посреди фразы. Будто кто-то в этот самый миг вытащил сим-карту из телефона Элизабет.

Глава 5

Жирар помрачнел.

– Я уже. – он щелкнул пальцами, словно подбирая нужное слово, – разговаривал с мадам Майер-Лански. Она тоже не знает, где мадам Доменик.

Хогарт посмотрел в сторону прохода.

– Куда он ведет?

– К туалетам. За ними дверь через боковой павильон выходит наружу, в небольшой внутренний дворик, – объяснил Жирар. – Там находится кафе L'Opéra. Но мадам Доменик нет и там.

– Никто не выходил наружу?

– От официанта я узнал, что около десяти минут назад одну посетительницу, которой стало плохо из-за проблем с кровообращением, вывели на свежий воздух.

– Кто?

Жирар пожал плечами:

– Якобы сотрудники Оперы.

– Почему «якобы»?

– Наш персонал не имеет отношения к бистро, – объяснил Жирар.

– Это были не сотрудники, – сказал Хогарт. – Я уверен, что той женщиной, которой стало плохо, была Элизабет.

– Но та дама была брюнеткой, и поэтому.

– Ну и что? – перебил его Хогарт. «Элизабет – блондинка». – И все же я уверен, что это была она.

Жирар побледнел. Похоже, до него только сейчас дошло, что произошло.

– Вы думаете, мадам Доменик похитили?

– В обморок она точно не падала, – язвительно заметил Хогарт и указал на мобильный телефон. – Во всяком случае, она больше не выходит на связь.

– Я мог бы послать людей поискать этих предполагаемых сотрудников, – предложил Жирар.

– Забудьте об этом, – перебил его Хогарт. – Они уже давно исчезли. – Он огляделся. – Здесь что, нет камер видеонаблюдения?

– Не в интернет-корнере, – ответил Жирар.

– Вы это серьезно?

– Камеры снимают только гардероб и сувенирный магазин. Что тут вообще можно украсть?

«Компьютеры, клавиатуры, принтеры… костяную иглу», – мысленно ответил Хогарт, но ничего не сказал. Вместо этого он достал карточку с номерами экстренной связи, которую ему дала Элизабет, и набрал один из них.

Сигнала в одну полоску оказалось достаточно.

– Кому вы звоните? – спросил Жирар.

– Во французскую уголовную полицию.

Глава 6

Полицейские, прибывшие спустя полчаса, оказались вовсе не следователями уголовной полиции, а обычными патрульными. К тому времени в вестибюле оставалось лишь несколько сотрудников Оперы, из-за чего просторный холл казался еще больше; каждое покашливание и стук каблуков гулко отдавались от стен. Опера окончательно закрылась для посетителей и должна была вновь открыться только ранним утром следующего дня, когда прибудет новая группа туристов, а также актеры, танцовщики и певцы на репетиции.

«Les Misérables. Подходит!» – подумал Хогарт. Именно так он себя и чувствовал.

Пока Жирар и Изабель помогали полиции осматривать здание Оперы, госпожа доктор Майер-Лански, Татьяна, он сам и еще двое полицейских стояли в интернет-корнере и обсуждали странные события этого вечера. Атмосфера была довольно накаленной, и напряжение нарастало. Потому что, кроме очков для чтения Элизабет, ни улики, ни показания свидетелей не указывали на похищение. По крайней мере, так утверждали полицейские, проводившие расследование, после того как их коллеги обыскали вестибюль Оперы и бистро.

К тому же женщина, у которой якобы случился приступ слабости из-за проблем с кровообращением, была темноволосой. А что касается двух сотрудников Оперы, сопровождавших ее, – по крайней мере, судя по описанию их униформы, – около получаса назад как раз произошла пересменка, поэтому найти их быстро не удалось.

«Отвратительно!» Каждые пять минут Хогарт выбегал на улицу и набирал номер Элизабет, но ее телефон по-прежнему оставался недоступен.

Полицейские записали показания Хогарта и Татьяны и уже собрались уходить. Хогарт остановил их и бросил на Майер-Лански умоляющий взгляд. Но та лишь пожала плечами.

– Что, по-вашему, *я* должна сделать?

– Костяная игла пропала, а Элизабет исчезла без вашей охраны, – процедил Хогарт. – Неужели вы не боитесь скандала?

– Если и будет скандал, то для «Медеен энд Ллойд», а уж никак не для Оперы. Мы надлежащим образом передали экспонат госпоже Доменик в сейфе и оформили все в полном соответствии с правилами. И пока полиция не получила ни заявления о краже, ни требований выкупа. Элизабет Доменик – профессионал своего дела и проводит подобные аукционы далеко не впервые. Она знает, что делает. Вот увидите, все благополучно разрешится. – Она повторила свои слова по-французски, и полицейские согласились с ней.

«Как всегда: сначала обязательно должна случиться беда, чтобы хоть кто-то начал действовать».

Татьяна подошла к Хогарту.

– Я только что была снаружи и позвонила на горячую линию Banque de Paris, попросив соединить меня с мадемуазель Перрен, – прошептала она. – Она все еще ждет нас. Элизабет там так и не появилась.

Машина Жирара все еще стояла снаружи.

– Вы должны ее искать! – настаивал Хогарт на своем ломаном французском, обращаясь к полицейским.

– Oh, non… – пробормотала одна из полицейских, перелистывая свои бумаги, и заговорила медленными предложениями, которые Хогарт понял даже без перевода. По-видимому, госпожа доктор Майер-Лански уже рассказала

полицейским о небольшой ссоре между Хогартом и Элизабет перед аукционным залом и о том, как Элизабет пыталась его успокоить.

«Ну просто замечательно!»

– Возможно, это всего лишь недоразумение, – недоверчиво перевела Татьяна последние слова полицейской.

– Недоразумение?! – воскликнул Хогарт, чувствуя, как у него вздуваются вены на шее. – Исчезли человек и произведение искусства стоимостью более семи миллионов евро!

– Не так громко! – прошипела Майер-Лански.

Вот, значит, в чем дело! Через несколько дней театральный сезон должен был открыться новой постановкой, и, похоже, она все-таки боялась негативной прессы и скандала.

– Я хочу подать заявление о пропаже человека, – наконец сказал Хогарт.

Татьяна перевела ответ полицейской:

– Сделать это можно будет в комиссариате через двадцать четыре часа.

– Через двадцать четыре часа? – Хогарт был готов взорваться.

Он подошел к полицейской и понизил голос до опасного рычания.

– Ваши методы довольно… – Он сдержался, не договорив. – Завтра в это же время Элизабет Доменик, возможно, уже будет мертва, а костяная игла окажется за границей. Татьяна, переведи!

Она сглотнула и выполнила просьбу, по-видимому немного смягчив его слова.

Сотрудница полиции покачала головой и тоже стала заметно менее дружелюбной. Демонстративно взглянув на часы, она сказала:

– Возможно, мадам Доменик после разговора с вами просто захотела немного побыть одна и уехала без вас и без сотрудников службы безопасности.

Полицейская убрала блокнот в карман и уже собиралась уйти, но Хогарт снова ее остановил.

– Мне совершенно безразлично, во что вы верите, но Элизабет Доменик похитили! – рявкнул он. – А костяную иглу украли!

– Давайте все успокоимся. Если вы так настаиваете, то сначала мы хотя бы проверим возможную кражу.

– Прекрасно, – вздохнул Хогарт. Он подумал о паспорте Элизабет с ее цифровым отпечатком пальца, который исчез так же бесследно, как и она сама, ее сумочка и костяная игла. – У ваших коллег в патрульной машине есть портативный сканер отпечатков пальцев? – спросил он.

Полицейская недоуменно посмотрела на Хогарта.

– Mais oui[9].

– Хорошо.

Хогарт достал из внутреннего кармана пиджака футляр и открыл его.

– Снимите отпечатки пальцев с этого предмета, а затем сравните их с отпечатками на этой компьютерной клавиатуре.

[9] Разумеется *(фр.)*.

Глава 7

В 22 часа, когда в Парижской опере уже царила кромешная тьма, Хогарт и Татьяна наконец добрались до своей гостиницы на Монмартре.

Отель Jardin[10] – который, вероятно, получил свое название из-за зимнего сада со множеством цветов – находился прямо на площади Тертр, откуда даже ночью открывался прекрасный вид на квартал художников и освещенную базилику Сакре-Кёр. Но сейчас Хогарту было совершенно не до этого вида. Ведь даже в отеле Элизабет, конечно же, не появилась, а ее арендованный автомобиль все так же стоял на парковке рядом. О поездке в Версаль можно было забыть, как и об остальной части запланированного отпуска. Первого отпуска с Элизабет. И тут случается такое!

Татьяна стояла на балконе соседнего номера, визуально отделенного от балкона Хогарта большим горшком с растением, который, однако, его племянница отодвинула в сторону. Так они могли заходить друг к другу в номер и – если бы все пошло по плану – уютно проводить вместе вечера.

Через открытую балконную дверь Хогарт слышал, как Татьяна разговаривала по телефону со своим отцом. Курт, его младший брат, был мануальным терапевтом с собственной практикой, но совершенно ничего не понимал в полицейской работе и детективных расследованиях, а вдобавок слишком легко начинал волноваться. По сравнению с ним Татьяна была почти профессионалом в деле расследований, и поэтому Хогарт строго наказал ей пока ничего не рассказывать о случившемся, чтобы дома никто не начал нервничать. Ему вполне хватало того, что его собственные нервы были на пределе.

– Татьяна! – крикнул он наружу. – Скажи своему отцу, что я на прошлой неделе наконец продал его коллекцию видеокассет с фильмами Эдгара Уоллеса на блошином рынке.

– За сколько? – крикнула Татьяна в комнату.

– За тридцать евро.

Наступила долгая пауза.

– Папа просил передать тебе, что ты гений, – сказала Татьяна.

«Я знаю, – подумал Хогарт. – В конце концов, на это ушло всего три года». Через платформу eBay все получилось бы гораздо быстрее, но он предпочитал держаться подальше от цифрового безумия. Затем он взял свой мобильный телефон.

После того как позвонил в австрийское посольство и объяснил одному из секретарей ситуацию, Хогарт подошел к мини-бару. Вино, пиво и коньяк он проигнорировал, вместо этого открыл бутылку Breezer и одним глотком ополовинил ее. И это вместо их ночной прогулки с ужином на Эйфелевой башне. Еще несколько часов назад Хогарт думал, что Элизабет удалось провернуть выгодную сделку. Что ж, сделка действительно была выгодная! Только вот вопрос – для кого?

Поскольку парижская полиция собиралась заняться исчезновением Элизабет лишь завтра вечером, а австрийское посольство в данный момент тоже ничем не могло помочь, Хогарт остался один на один с опасной ситуацией. Ждать до завтра и бездействовать он точно не собирался. Допил бутылку, поставил ее на стол и уже хотел встать, когда его ноутбук, подключенный к Интернету через Wi-Fi отеля, издал звуковой сигнал. На экране замигал значок Skype.

Видеозвонок!

Татьяна установила ему эту программу – одна из немногих его уступок современным технологиям, потому что он находил весьма полезной возможность во время разговора смотреть собеседнику прямо в глаза. Сейчас же его сердце мгновенно забилось сильнее. «Элизабет?»

---

[10] Сад *(фр.)*.

Но надежда была недолгой. Звонил Кольшмид – магистр Кольшмид – руководитель выездной службы «Медеен энд Ллойд», человек, к которому Хогарт испытывал примерно такую же симпатию, как к огромному болезненному прыщу на заднице.

Кольшмид был маленьким неприметным человеком, и на фотографии его профиля в Skype он выглядел таким же скользким и неприятным, каким был в жизни. В старомодном костюме в тонкую полоску, какие уже никто не носил, с сильно напомаженными, зачесанными набок волосами и с явно неудачным стилистом – иначе он давно сменил бы роговые очки на что-нибудь более современное.

Но это была его привычная стратегия: внешняя невзрачность, чтобы окружающие его недооценивали. На самом деле Кольшмид был далеко не глуп.

Хогарт принял звонок.

– Да?

– Хогарт, это вы?

– Нет, Шарль де Голль, – проворчал он.

– Очень смешно, Хогарт. Включите камеру. Я знаю, что вы меня терпеть не можете, но поверьте: я тоже не в восторге от необходимости с вами разговаривать.

«Похоже, на этот раз мы впервые полностью сошлись во мнениях!»

Хогарт неохотно включил камеру. После катастрофы, произошедшей два с половиной года назад при расследовании дела «Мельница ангелов», когда он познакомился с Элизабет, – это был единственный положительный момент всей той истории, – он поклялся больше никогда не работать на «Медеен энд Ллойд». По крайней мере до тех пор, пока Кольшмид возглавляет выездной отдел. Впрочем, в последнее время все чаще ходили слухи, что однажды Кольшмид может даже занять кресло директора.

Неосознанно Хогарт провел рукой по трехдневной щетине, которую носил с тех пор, чтобы скрыть шрамы на лице.

– Что случилось, Кольшмид? – недовольно проворчал он.

– Что случилось? Вы серьезно? – Лицо Кольшмида покраснело. Он нервно щелкал шариковой ручкой.

Судя по всему, Кольшмид все еще находился в своем венском офисе в огромной стеклянной башне, через фасад которой Хогарт мог видеть неоновые вывески и огни уличного освещения на другом берегу Дуная. Как много он сейчас отдал бы за то, чтобы самому оказаться в Вене – вместе с Элизабет.

Кольшмид снял свои роговые очки и потер переносицу.

– Я только что провел обстоятельный разговор с коммерциалратом[11] Растом.

Раст был директором страховой компании. Хогарт знал его еще с детства. Старый закаленный боец и один из лучших друзей его покойного отца.

– И что? – спросил он.

– Угадайте с трех раз, с кем Раст разговаривал по телефону.

– С французской полицией? – предположил Хогарт, надеясь, что они все-таки решили заняться этим делом.

– Что? Полиция? Нет, черт возьми. С Оле Гранквистом! Полагаю, вы уже знаете, кто это.

Гранквист? Нет, этого он не знал. Но фамилия звучала по-северному.

– Скандинавский бизнесмен, который купил костяную иглу на аукционе? – предположил Хогарт.

– Абсолютно верно. Он швед.

---

[11] Коммерциалрат – почетный титул в Австрии, присуждаемый выдающимся предпринимателям, букв. «коммерческий советник». нашего нотариуса. Но пока условия выплаты не соблюдены и сделка «товар за деньги» не может быть завершена, Гранквист распорядился, чтобы доверенное лицо заморозило эту сумму на счете. Ни он, ни мы не имеем к этим деньгам доступа.

– И?..

– И?.. – повторил за ним Кольшмид. – Оле Гранквист не какой-то там обычный бизнесмен. Он миллиардер, один из самых известных и уважаемых коллекционеров произведений искусства. Он живет между Парижем и Стокгольмом, и я могу вам сказать: сейчас он вне себя от ярости.

– Дела в Швеции идут настолько плохо? – съязвил Хогарт.

– Очень смешно, Хогарт. Элизабет Доменик недоступна и, очевидно, исчезла так же бесследно, как и костяная игла. Гранквист внес пятьдесят процентов от оценочной стоимости костяной иглы в качестве аванса на депозитный счет

– Он может это сделать?

– Да, и даже гораздо больше, черт возьми! Он разорвет нас на части и уничтожит нашу репутацию!

– Тогда аванс и оставшаяся часть суммы будут переведены после того, как подтвердится получение экспоната! – так же раздраженно воскликнул Хогарт. – Но это вовсе не главная проблема. Главная проблема – исчезновение Элизабет! Парижская полиция и наше посольство уже проинформированы. С завтрашнего дня начнутся поиски.

– Ах, как замечательно, Хогарт! «С завтрашнего дня начнутся поиски», – передразнил Кольшмид голос Хогарта.

«Вот гад!» А ведь Кольшмид должен быть рад, что Хогарт оказался рядом с этим чертовым аукционом. Иначе к этому моменту все следы уже исчезли бы, у них не имелось бы ни одного свидетельского показания и они даже не знали бы того малого, что им сейчас известно.

– Я скажу вам, в чем настоящая проблема, – прошипел Кольшмид и снова потер переносицу. – Гранквист обвиняет нашу страховую компанию в том, что Элизабет обманула организаторов аукциона и скрылась вместе с экспонатом. Он угрожает подать в суд.

На мгновение Хогарт потерял дар речи. Вот о чем переживает Кольшмид?

– Все выяснится, – попытался он успокоить Кольшмида.

– Хрена с два что-нибудь выяснится! – выругался тот и с такой силой швырнул шариковую ручку о стол, что она разлетелась на части.

На мгновение изображение на экране задрожало, и Хогарт уже подумал, что камера Кольшмида испустила дух.

– Вы наш единственный человек на месте и… – начал Кольшмид.

– Я не *ваш* человек! – перебил его Хогарт.

– Вы понимаете, что я имею в виду, – теперь уже чуть спокойнее сказал Кольшмид. – Найдите Доменик!

– А как вы думаете, чем я все это время занимаюсь? – повысил голос Хогарт. – Сижу в номере сложа руки?

Краем глаза он заметил, как Татьяна отодвинула штору, заглянула через балконную дверь и жестом показала ему, чтобы он говорил тише.

Да, он найдет Элизабет. Но не ради Гранквиста, не ради «Медеен энд Ллойд» и уж точно не ради этой проклятой костяной иглы. А потому, что Элизабет его любимая женщина, которая просто оказалась не в том месте и не в то время.

– Не волнуйтесь, – сказал Хогарт. – У меня уже есть несколько зацепок. – Он подумал о ее телефоне, очках, интернет-корнере и о той якобы черноволосой женщине, которую вынесли из здания.

– Надеюсь, что так, – огрызнулся Кольшмид. – Иначе у нас будут большие проблемы. Самое позднее через двадцать четыре часа это дело должно быть раскрыто. В противном случае нам останется только официально заявить в полицию о краже…

Это Хогарт уже давно сделал.

– Что, конечно же, нанесет огромный ущерб репутации страховой компании, – язвительно закончил он фразу Кольшмида, а затем посерьезнел. – Вам уже приходила в голову мысль, что дело не только в этой жалкой игле? Возможно, выяснится, что Элизабет похитили!

«Или случилось что-нибудь похуже». Но об этом он даже не хотел думать.

– А вам не приходила в голову мысль, что она действительно могла сбежать с костяной иглой? – спросил Кольшмид.

– Поверить не могу, какие абсурдные мысли приходят вам в голову! – возмутился Хогарт. – Элизабет – ваш лучший сотрудник!

– Именно поэтому это не такая уж абсурдная мысль, – стоял на своем Кольшмид. – Доменик знает мир искусства, все внутренние процессы и уже много лет имеет хорошие связи как на Ближнем Востоке, так и в России и Азии.

За кого этот мерзкий скользкий тип вообще принимает Элизабет?

– Вы хотите сказать, что подозреваете ее в краже экспоната?

– Такое возможно. Или у вас есть объяснение, почему преступник не просто оглушил ее, ограбил и оставил там – а исчез вместе с ней и иглой?

– Я. – Хогарт замолчал. Нет, этому у него объяснения не было.

– Вот видите, у меня тоже нет, – сказал Кольшмид. – Как бы там ни было, Доменик уже почти наверняка лишилась своей работы – если, конечно, она вообще когда-нибудь объявится снова.

– Послушайте…

Рядом с Кольшмидом на столе зазвонил мобильный телефон.

– Хогарт, мне нужно заканчивать. Это Раст. – Он глубоко вздохнул. – Найдите Доменик и костяную иглу как можно скорее, пока информация не просочилась в прессу. Иначе, несмотря на мою аэрофобию, мне самому придется лететь в Париж.

«Какая ужасная мысль!»

Хогарт завершил сеанс по Skype. Татьяна вошла в комнату и уже хотела что-то сказать, но в этот момент в дверь Хогарта постучали.

Он посмотрел на часы. Было почти половина одиннадцатого.

Глава 8

Татьяна взглянула на дверь.

– Кто это? – По выражению ее лица было ясно, что она, как и Хогарт, слабо верила в то, что в коридоре могла оказаться Элизабет.

– Уж точно не обслуживание номеров. – Хогарт поднялся и направился к двери.

– Оружие при тебе? – спросила Татьяна.

Она знала, что у него есть «глок» с семнадцатью патронами.

– Ты с ума сошла? Я не беру пистолет в отпуск.

К тому же он все равно не смог бы пронести его ни в самолет, ни через таможню.

Поскольку в двери номера не было глазка, через который можно было бы посмотреть в коридор, Хогарт остановился у двери и прислушался. Снова раздался стук.

– Кто там? – спросил он.

– Пожалуйста, откройте! – ответил молодой мужской голос по-немецки с сильным французским акцентом.

– Кто там? – повторил Хогарт.

– Я хотел бы поговорить с мадам Доменик.

«Я бы тоже хотел». Хогарт ненадолго задумался, но, так как мужчина, похоже, был один и не звучал особенно угрожающе, решил дать ему шанс. Возможно, это была первая стоящая зацепка, которая могла привести к Элизабет. Он положил руку на дверную ручку.

– Не надо! – выдохнула Татьяна.

– Все в порядке, – успокоил он. – Держи телефон наготове. Если со мной что-нибудь случится, сфотографируй все, уйди через балкон в свой номер, запри дверь и позвони на ресепшен.

– Хорошо, – прошептала она со страхом в голосе.

В дверь снова постучали, на этот раз настойчивее.

– Да иду уже. – Хогарт открыл дверь и как раз собирался взглянуть мимо высокого молодого человека, стоявшего на пороге, в коридор – как вдруг кулак с силой врезался ему в живот.

Удар оказался настолько мощным, что ему показалось, будто поздний обед вот-вот поднимется по пищеводу обратно, уже наполовину переваренным. К тому же Хогарт на долю секунды потерял память, а когда снова смог ясно мыслить, то обнаружил, что лежит на полу.

Человек, который сбил его с ног, по-прежнему загораживал дверь. Второй успел проскользнуть мимо него в номер, перепрыгнул через лежавшего на полу Хогарта и схватил Татьяну. Хогарт услышал ее крик – сначала громкий и отчаянный, затем приглушенный и почти задушенный, потому что бандит зажал ей рот рукой.

Теперь в комнату вошел и тот, кто ударил Хогарта. Он схватил его за руку, оттащил от входа, закрыл дверь и запер ее на замок.

– Вы даже не представляете, что я с вами сделаю… – процедил Хогарт сквозь зубы.

– Заткнись! – рявкнул ударивший его.

У мужчины были короткие светлые волосы, спортивное телосложение, и выглядел он всего на несколько лет старше Татьяны. Однако холодный, жесткий взгляд его глаз говорил о том, что он успел пережить куда больше, чем его племянница. Похоже, именно он был главным, потому что второй – мужчина постарше, с лысой головой – не произнес ни слова. Он был смуглым, коренастым, сложением напоминал борца, а лицо у него было словно дверь трактира, которую не раз вышибали ногами. Хогарт обратил внимание на его покрытые шрамами кисти. Одной рукой тот крепко удерживал отчаянно вырывавшуюся Татьяну, а другой выбил у нее телефон, прежде чем она успела что-либо с ним сделать.

Молодой блондин захлопнул ноутбук Хогарта, снял трубку стационарного телефона, закрыл балконную дверь и задернул шторы. Затем включил телевизор и прибавил звук ровно настолько, чтобы соседи не стали жаловаться на шум, но при этом не могли расслышать их разговор. Было видно, что все это он проделывает далеко не впервые.

Когда Хогарт поднялся, блондин заставил его сесть в кресло. Затем молниеносно обыскал весь номер. Он перерыл шкаф и все ящики, заглянул под кровать, сорвал матрас, после чего отправился в ванную.

Хогарт слышал, как тот снял крышку бачка унитаза и открутил решетку кондиционера. По-видимому, безрезультатно, потому что вскоре он вернулся в гостиную, открыл мини-бар, с помощью зажигалки сорвал крышку с бутылки Breezer и сделал глоток.

«Похоже, у нас одинаковый вкус».

– Даже не вздумайте отдавать бутылку на экспертизу. В полиции моих отпечатков пальцев нет, – сказал он.

– Почему сразу полиция? – спокойно спросил Хогарт. – Вы ведь всего лишь зашли ко мне в номер поболтать.

Мужчина улыбнулся.

– Именно. Ведь это номер Элизабет Доменик?

Хогарт кивнул.

– Где она?

– Я сам хотел бы это знать. – Он бросил короткий взгляд на борца. – Вашему приятелю не обязательно держать девушку. Не думаю, что она сможет отправить его в нокаут ударом карате.

Блондин кивнул своему напарнику, и тот в ответ лишь еще крепче сжал Татьяну. Девушка вскрикнула.

– Где Элизабет Доменик, mon ami?[12] – снова спросил блондин.

– Понятия не имею.

– Где костяная игла?

– Да не знаю я, черт побери! – вспылил Хогарт. – Хоть прострелите мне оба колена – я все равно не знаю!

Блондин взял бутылку за горлышко и с размаху ударил ею о край тумбы под телевизором. По комнате разлетелись осколки стекла и брызги алкоголя. Хогарт невольно вздрогнул, а Татьяна лишь тихо всхлипывала. Наконец Хогарт достал из внутреннего кармана пиджака футляр, который полиция вернула ему после снятия отпечатков пальцев.

– Вы это ищете? – Он открыл футляр.

Блондин заглянул внутрь, вынул иглу и взвесил ее на ладони.

– Неплохая попытка. Но эту керамическую подделку можете оставить себе. Слишком тяжелая. – Он небрежно бросил иглу на кровать, передал своему напарнику разбитое горлышко бутылки и снова повернулся к Хогарту: – Сейчас мы с вами ненадолго прогуляемся. Ваша племянница останется здесь. Если решите строить из себя героя, ее лицо станет таким же уродливым, как ваше.

Хогарт убрал футляр обратно в карман. Этот белобрысый ублюдок был прекрасно осведомлен.

– Кто вы такой?

– Скоро узнаете. Идем. – Он схватил Хогарта за воротник рубашки, рывком поднял на ноги и подтолкнул к двери.

Хогарт отпер замок, но, прежде чем открыть дверь, тихо произнес:

– Если вы причините ей хоть какой-нибудь вред…

[12] Мой друг *(фр.)*.

– Да-да, знаю, тогда вы трахнете меня в задницу, – невозмутимо перебил блондин. – Но сначала я трахну вас в задницу, да еще ломом. А теперь хватит болтать. Открывайте дверь!

Хогарт вышел в коридор и уже хотел направиться к лифту, но блондин ударил его по затылку и толкнул в противоположную сторону – к лестнице.

«Черт!» Так Хогарт не сможет пройти мимо стойки регистрации и подать хоть какой-нибудь знак портье. Впрочем, оставался еще один шанс. Возле заднего выхода из отеля, куда они сейчас направлялись, находился ресторан. В такой теплый вечер наверняка многие сидели за столиками на улице, и у Хогарта могла появиться возможность привлечь чье-нибудь внимание.

Они спустились по лестнице на первый этаж. Но когда Хогарт попытался свернуть к выходу, тут же получил еще один удар по затылку.

– Туда!

Проклятье, что он задумал?

Хогарт подчинился. Они прошли мимо технического помещения, кладовой для кухни и прачечной отеля, после чего остановились перед тяжелой противопожарной дверью с надписью «Sortie de secours.. Аварийный выход». Однако табличка была перечеркнута.

– Открывайте, – тихо приказал блондин.

Хогарт толкнул дверь и вышел наружу. Они оказались в небольшом квадратном внутреннем дворе отеля, напоминавшем глубокий колодец. Высоко над ними светились окна дешевых номеров, выходивших прямо на шумные наружные блоки кондиционеров.

– Милое местечко. Только вы забыли лом, – заметил Хогарт.

Но блондин даже не улыбнулся. Вместо этого он сунул руку во внутренний карман пиджака. Хогарт уже приготовился выбить у него оружие, однако тот достал лишь старенький мобильный телефон для пожилых людей с крошечным экраном и большими кнопками. Он нажал одну из них и протянул телефон Хогарту.

Хогарт приложил трубку к уху. Раздались длинные гудки, потом кто-то ответил. В линии потрескивало, и Хогарт услышал дыхание человека.

«Элизабет?..»

Нет, это было невозможно. Скорее всего, сейчас ему скажут, что это они похитили Элизабет и от него чего-то требуют.

– Алло? – произнес Хогарт.

– Молчите и внимательно слушайте, – раздался низкий голос пожилой женщины, чуть искаженный, с холодным металлическим отзвуком.

– Если это какая-то дурацкая шутка… – Не успел Хогарт договорить, как блондин без предупреждения с силой пнул его по голени.

– Слушайте внимательно, что скажет мадам Горгович-Медуньян. Она повторять не станет. Ясно?

– Черт, да, – процедил Хогарт.

Боль была такой, что на глаза навернулись слезы.

– Советую прислушаться к словам моего помощника, – продолжила женщина. – Мне бы очень не хотелось, чтобы он переломал вам все кости.

«На это у него уйдет немало времени. Их у человека ровно двести четырнадцать», – подумал Хогарт, но на этот раз благоразумно промолчал.

– Я продавец костяной иглы. Как вам уже известно, сегодня мой экспонат был продан на аукционе за 7 миллионов 300 тысяч.

– Поздравляю. – Хогарт покосился на блондина. Тот сжал кулак так сильно, что хрустнули костяшки пальцев.

– Перейдем к сути. Теперь у меня нет ни моего экспоната, ни денег за него. Следовательно, напрашивается только один вывод: сотрудница страховой компании меня обманула.

Какая нелепость! Еще одна, уверенная, что Элизабет скрылась вместе с иглой. Хогарт осторожно поднял руку, давая понять блондину, что хочет что-то сказать.

– Даже если на аукционе за иглу дали 7 миллионов 300 тысяч, на черном рынке она не стоит и половины этой суммы. Слишком опасный товар. Никто…

– Все зависит от того, кто и зачем хочет ее получить, – перебила мадам низким голосом.

– Уже завтра вечером полиция начнет искать Элизабет Доменик, – сказал Хогарт, и теперь уже блондин поднял руку, ясно показывая, что тому пора наконец заткнуться.

– Полиция, – презрительно произнесла мадам. – Моя семья живет в Париже уже более двухсот лет, но наши корни уходят в Восточную Европу. На моей родине подобные дела решают внутри семьи – без полиции.

«Семья? Что она имеет в виду? Неужели собралась меня усыновить?»

– Перейдем к делу, месье Хогарт. – Женщина выдержала короткую паузу. – Вы найдете для меня костяную иглу.

– Что? Я? – фыркнул Хогарт. – Я здесь не при исполнении. К тому же я всего лишь обычный страховой детектив.

– Не обычный. У вас есть определенная репутация.

В данный момент Хогарт был совершенно не расположен принимать комплименты.

– Почему вы решили, что я, почти не говорящий по-французски, найду иглу быстрее какого-нибудь французского следователя?

– Потому что вы знаете Элизабет Доменик. Если кто-то и сумеет найти костяную иглу, то именно вы. Вам известен ход мыслей вашей подруги.

Хогарт глубоко вдохнул.

– Вы вернете мне костяную иглу, – повторила мадам. – В противном случае живым из Парижа вы не уедете.

«Прекрасно!»

– У вас есть два дня, до полуночи среды. А чтобы вы в полной мере осознали серьезность моего требования, мой помощник даст вам кое-что на прощание. – Раздался щелчок, связь оборвалась.

Хогарт протянул телефон блондину, и тот убрал его во внутренний карман пиджака.

– Значит, я еще что-то от вас получу? – спросил Хогарт.

– Совершенно верно.

– 20 тысяч евро авансом на расходы? Плюс суточные и надбавку за работу в выходные? – невозмутимо поинтересовался он.

Блондин усмехнулся.

– Adieu[13]. – И, даже не замахнувшись, со всей силы ударил Хогарта под дых.

На этот раз удар оказался настолько мощным, что в глазах у него потемнело. Хогарт сложился пополам и рухнул на землю. Он лежал, слушал монотонный гул кондиционеров, ощущал во рту горький вкус желчи и судорожно пытался вдохнуть.

– Черт, – прохрипел он. – Где вы научились так бить? Во Французском иностранном легионе?

Блондин не ответил. Он достал из кармана визитную карточку и щелчком отправил ее на землю рядом с Хогартом. Затем сунул руку под пиджак, вынул из кобуры пистолет, направил его на бедро Хогарта и нажал на спусковой крючок.

Хогарт невольно дернулся. Но вместо выстрела раздался лишь сухой металлический щелчок.

– В следующий раз патрон будет в патроннике, – спокойно сказал блондин.

---

[13] Прощайте *(фр.)*.

«Проклятье!» Неужели Хогарт и правда угрожал этому типу расправой, если тот причинит вред Татьяне? Да ему бы сейчас просто суметь доползти до лифта и добраться до своего номера. Давно уже никто так доходчиво не объяснял ему, кто здесь главный.

– Позвоните по этому номеру, когда костяная игла будет у вас, – сказал блондин, после чего развернулся и вышел из внутреннего двора.

Глава 9

Хогарт еще с минуту лежал неподвижно, ощупывая живот и пытаясь напрячь мышцы пресса. Но вскоре отказался от этого – боль была слишком сильной. Стиснув зубы, он подтянулся, опираясь на стену дома, и, дрожа, прислонился к ней, стараясь дышать медленно и неглубоко. «Всего-то два проклятых удара кулаком». А ведь этот тип совсем не был похож на Майка Тайсона.

Черт, визитка осталась лежать на земле. Сжав губы и задержав дыхание, Хогарт наклонился, чтобы поднять карточку. Движение показалось ему растянутым, как в замедленной съемке. Наверное, так оно и было.

Интересно, как там Татьяна? Он, с трудом переставляя ноги, добрался до противопожарной двери, затем, держась за стену, доковылял до лифта и поднялся на четвертый этаж. В кабине он посмотрел на себя в зеркало. Выглядел он не так уж ужасно. Рубашка была немного испачкана на плечах, но в целом он производил вполне сносное впечатление. Хогарт попытался улыбнуться.

«Найдите костяную иглу!»

Но сейчас эта игла была ему совершенно безразлична. Он должен был найти Элизабет. Это единственное, что имело значение. И эта мадам Богданович, или как там ее звали, точно не похищала Элизабет.

В свете кабины лифта он взглянул на визитную карточку. «Мадам Горгович-Медуньян» – ну что, он почти угадал – было написано красными буквами. Ниже стоял номер мобильного телефона. Больше ничего. Остальная часть черной глянцевой карточки была пустой – как и ее обратная сторона.

Сейчас почти все указывало на то, что Элизабет действительно исчезла вместе с костяной иглой. И все же Хогарт не мог поверить в эту версию. Зачем ей тогда было оставлять свою куртку? Что она делала перед этим за компьютером? И что насчет ручки и ее очков для чтения? Неужели она действительно хотела инсценировать собственное похищение? И совершенно независимо от всех фактов – Хогарт слишком давно и хорошо знал Элизабет, чтобы понимать: она, должно быть, случайно оказалась втянутой в какую-то опасную историю.

Лифт звякнул, двери открылись. Хогарт поправил воротник рубашки, стряхнул грязь с плеч, вышел из кабины и, пошатываясь, направился к своему номеру. Телевизор все еще работал на довольно большой громкости. Он провел карточкой по считывателю, и дверь распахнулась. На мгновение его охватило ужасное предчувствие: он ожидал увидеть разгромленный номер, а посреди комнаты – Татьяну в разорванной одежде, с изуродованным, залитым кровью лицом.

Как предупреждение.

И как мотивацию!

Но, к счастью, Татьяна сидела на кровати целая и невредимая. Увидев его, она тут же вскочила, бросилась к нему и крепко обняла.

– Слава богу, ты вернулся.

– Осторожно, – пробормотал он, освобождаясь из ее слишком сильных и болезненных объятий. И все же камень словно упал с его сердца. – Он ничего тебе не сделал?

– Нет, ничего. Он даже не сказал ни слова. Перед тем как уйти, жестом показал мне, чтобы я молчала и ждала тебя здесь.

– Чем вы занимались?

– Мы сидели на кровати, – ответила она, – и смотрели «Грязные танцы».

Замечательно.

А он все это время волновался.

Пятнадцать лет назад

Мать Эме безжизненно лежала на полу гостиной, а грабитель и ее отец в полном оцепенении стояли друг против друга. Пистолет в руке отца дрожал.

«Он выстрелил», – молнией пронеслось у Эме в голове.

Наверное, это какая-то ужасная ошибка – или кошмарный сон.

Но это была жестокая реальность. Давид в промокшей пижаме сидел рядом с ней на корточках и тихо всхлипывал. До конца жизни запах мочи будет ассоциироваться у Эме с видом матери, неподвижно лежащей на полу.

– Все будет хорошо, – солгала Эме, пытаясь успокоить хотя бы Давида. И немного в надежде, что сама сможет в это поверить. Но она была слишком взрослой для сказок.

Больше всего на свете ей хотелось сбежать вниз к матери. А вдруг она все-таки еще дышит – вопреки всякой логике, – возможно, она еще хотела поговорить с ней, или Эме могла ей что-нибудь сказать. «Мама, прости меня. Я не хотела опрокинуть скульптуру в столовой, не хотела поцарапать паркет в гостиной. Я никогда не хотела тебе лгать. Можешь снова меня побить – я не буду плакать. Мне так жаль! Пожалуйста, выздоравливай. Вставай! Ну, скажи хоть что-нибудь».

Но мать оставалась неподвижной и безмолвной. Как и застывший отец, который был не в силах отвести растерянный взгляд от жены.

Наконец грабитель вышел из оцепенения. Он резко развернулся и бросился из гостиной в прихожую. Подбежал к разбитому окну, сорвал занавеску вместе с карнизом – тот с грохотом упал на плиточный пол, – и выпрыгнул наружу через распахнутое окно.

«Папа! Беги за ним! Не дай ему уйти! Пожалуйста. Поймай его! Застрели его!»

Эме сидела на лестнице, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как с каждым вдохом ее жизнь рассыпается на части.

Наконец зашевелился и отец. Пошатываясь, он подошел к матери и бессильно опустился перед ней на колени. Пистолет выпал из его руки. Он перевернул ее на спину, приподнял и прижал к себе. Потом уткнулся лицом ей в волосы и громко, душераздирающе зарыдал.

В лунном свете мерцала кремовая ночная рубашка матери с оборками. Кожа отливала бронзой, одна бретелька соскользнула с плеча. Грудь и живот были уже темными. Это пятно все росло и росло, становясь черным, как сама ночь.

Эме так крепко вцепилась в деревянные перила, что они жалобно заскрипели. Рядом тихо всхлипывал Давид. Она положила руку ему на плечо.

– Все будет хорошо, – снова пообещала она.

Она выяснит, кто был этот грабитель. Затем выследит его, возьмет пистолет и застрелит – даже не моргнув глазом. Хотя ей было всего девять лет, эта мысль ее совсем не пугала. Наоборот. В тот миг ее сердце превратилось в лед. Это поможет ей пережить следующие минуты, часы и годы и не сойти с ума.

Вдруг Эме насторожилась.

– Это была случайность… я не хотел… – рыдал отец. – Прости меня. мне так жаль.

Его рыдания становились все громче. Никогда прежде Эме не видела его таким. До сих пор он всегда был сильным и непреклонным, никогда не пролил ни одной слезинки, железной рукой управлял своей компанией и держал в узде всю семью. Но теперь он был сломлен, и чем отчаяннее звучали его рыдания, тем спокойнее становилась Эме, словно чувствовала, что в эти минуты заканчивается ее детство и ей придется повзрослеть.

Продолжая тихо успокаивать Давида, она заметила, как отец нащупывает пистолет.

«Еще не поздно, – подумала она. – Выйди и догони этого мерзавца». Она не слышала ни хлопка автомобильной двери, ни шума мотора, ни лодки у берега. Значит, грабитель скрылся пешком.

Но отец даже не попытался подняться. Он провел рукой по длинным черным волосам жены, коснулся ее щеки и лба. Потом вставил дуло пистолета себе в рот, на мгновение отдернул голову, почувствовав холод металла, и снова сомкнул губы вокруг ствола.

– Нет! – Давид вырвался, вскочил и бросился вниз по лестнице.

Отец крепко зажмурился и нажал на спусковой крючок. Грохот был таким оглушительным, что Эме подумала, что навсегда останется глухой.

Но она не отвела взгляд.

Вместо этого запомнила каждую деталь.

Часть вторая
Париж

Вторник, 15 сентября

Глава 10

Ранним утром, еще до того, как первые нежно-оранжевые лучи солнца окрасили крыши Парижа, Хогарт уже успел совершить пробежку по городу. Его маршрут пролегал к Опере, затем к Banque de Paris, где Элизабет должна была передать костяную иглу, а потом обратно, на Монмартр, в отель Jardin. Все это время он думал только об Элизабет.

Из-за того, что его правая нога была немного короче левой, таз был слегка перекошен, и, если присмотреться, можно было заметить, что он чуть прихрамывал. Врачи уже много лет предупреждали, что боли будут усиливаться, и настоятельно советовали носить ортопедическую обувь. Но Хогарт ненавидел врачей так же сильно, как и больницы. Пока он ежедневно совершал свою пробежку, ему удавалось держать боль под контролем. К тому же утренний бег в прохладном воздухе помогал ему прояснить мысли. А сейчас ясная голова была необходима как никогда.

Минувшей ночью, когда Татьяна уже крепко спала в своем номере, Хогарт, несмотря на побои, которые получил накануне, все же сел за руль арендованной машины. Он еще раз проехал путь от здания Оперы до банка. Вопреки всякой логике он надеялся, что упрямая Элизабет по какой-то причине могла отправиться этим маршрутом без Жирара и Изабель. Разумеется, это было не так.

При весьма скромных знаниях французского Хогарт кое-как расспрашивал таксистов на стоянках по пути, официантов в ресторанах и бездомных, устроившихся на ночлег в боковых переулках. Он показывал на телефоне селфи, где они с Элизабет были запечатлены на мотоцикле. Элизабет обожала танцевать, но Хогарт был совершенно безнадежным танцором и ни за что не согласился бы посещать уроки танцев. Поэтому они нашли другое общее увлечение: Элизабет решила получить права на управление мотоциклом.

На втором снимке она играла в гольф и как раз подъезжала к нему на гольф-каре. Но никто не узнавал женщину с фотографий. Не произошло ни одной аварии, в которую она могла бы попасть. В пяти окрестных больницах никто не слышал ее имени и ничего не знал о доставленной туда накануне женщине, которая подходила бы по возрасту и описанию.

Все это уже обошлось Хогарту в пятьсот евро и потребовало немало усилий. И все же во время утренней пробежки ему пришлось признать горькую правду: у него не было ни малейшей зацепки, которая помогла бы продолжить поиски.

Приняв горячий душ, он спустился в зал для завтраков в джинсах, черном поло и удобных кроссовках. Галстуки, рубашки и костюмные брюки он пока убрал в чемодан. Его пальто по-прежнему висело вместе с вещами Элизабет в гардеробе Оперы, но день обещал быть жарким, и он решил оставить все там. Когда он найдет Элизабет, они смогут вместе забрать свои вещи, а заодно посмотреть с Татьяной письма Лона Чейни. Хогарт вдруг понял, что отчаянно цепляется за эту мысль – ему необходимо было хоть за что-то держаться.

За завтраком – чашкой черного кофе и яичницей с ветчиной – он позвонил Майер-Лански. Новостей, разумеется, не было. От нее он получил номер телефона Жирара, но и тот ничего не слышал от полиции. Элизабет так и не объявилась, не удалось разыскать и двух сотрудников Оперы, которые накануне вечером вывели темноволосую женщину из кафе на улицу, хотя следователи уже опросили всех, кто значился в рабочем графике.

«Черт!»

Он отложил телефон, взял свежий номер Le Monde и, откусывая от тоста, остановил взгляд на главном заголовке. «Костяная игла продана на аукционе за 7,3 миллиона».

Превосходно. Только вот получить эти деньги сейчас никто не сможет. Хогарт рассеянно помешивал кофе ложечкой, наблюдая за закручивающимся водоворотом в чашке, пока его мысли продолжали кружиться в голове. Что же такого особенного было в этой игле? Почему

похититель – или тот, кто стоял за исчезновением Элизабет, – так отчаянно стремился ее заполучить? Дело было в деньгах? Даже если на черном рынке эта костяная вещица стоила бы не больше половины суммы, вырученной на аукционе, добыча все равно была более чем заманчивой. Или же костяная игла представляла собой не денежную, а особую, символическую ценность? Если так, то для кого?

– Bonjour. – Голос вырвал его из размышлений.

Хогарт поднял голову. Перед ним стояла Татьяна, вместо приветствия она сложила два пальца буквой V. Судя по всему, она только что вымыла свои дреды, потому что они торчали во все стороны. На ней были повседневная одежда, кроссовки и небольшой рюкзак за плечами.

Сев за его столик со стаканом морковного сока, она сразу спросила:

– Есть новости об Элизабет?

Коротко и без лишних подробностей Хогарт рассказал о своих ночных поисках, умолчав лишь о том, что они уже стоили ему пятьсот евро.

Когда он закончил, Татьяна задумчиво прикусила губу.

– Как ты думаешь… может быть… – нерешительно начала она, подбирая слова, – а вдруг она все-таки сама в этом замешана?

Хогарт ожидал подобного вопроса.

– Зачем ей это? – возразил он. – У нее прекрасная работа, которую она любит.

Татьяна пожала плечами:

– Может, ее кто-то шантажирует? Люди порой совершают самые непонятные поступки по самым безумным причинам.

Хогарт промолчал.

– А насколько хорошо ты вообще ее знаешь? – спросила она немного погодя.

– Достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: она никогда не украла бы произведение искусства. Скорее наоборот. На своей работе она раскрыла множество страховых афер и краж ценных экспонатов именно потому, что искренне ценит подобные вещи. И если бы ей захотелось нажиться, она могла бы сделать это уже давным-давно.

– Хорошо. А что ты знаешь о ее семье и их прошлом?

Хогарт глубоко вздохнул. Родители Элизабет умерли очень рано, и, насколько ему было известно, в Австрии родственников у нее больше не осталось. Во всяком случае, она никогда никого не упоминала. Но могли ли у нее быть родные во Франции? По правде говоря, он никого не знал и со стороны ее французской семьи. Ему было известно лишь, что бабушка Элизабет выросла в Париже и после войны познакомилась с бывшим немецким солдатом. Именно поэтому в жилах Элизабет текла и немецкая, и французская кровь. Но и бабушки уже много лет не было в живых. Где-то здесь, в Париже, находилась ее могила – больше Хогарт ничего не знал. Однако рассказывать об этом Татьяне он не хотел: это лишь породило бы новые догадки.

– Это не Элизабет! – твердо заявил он.

– Прости, что спросила, – пробормотала Татьяна. Внезапно она улыбнулась, словно пытаясь отвлечь его от тяжелых мыслей. – Кстати, тебе очень идут очки от солнца.

Хогарт на мгновение растерялся, а потом вспомнил, что перед тем, как спуститься к завтраку, машинально задвинул их на голову.

– И одежда у тебя классная, – добавила она.

Он усмехнулся.

– Тебе совсем не стыдно разгуливать с таким дядей?

Татьяна покачала головой.

– Хотя папа моложе тебя, выглядит он почему-то гораздо старше и куда более консервативным.

Когда-то Хогарт носил длинные волосы, но теперь коротко стригся – так прическа лучше сочеталась с трехдневной щетиной. Седеющие виски особенно нравились Элизабет, по крайней мере, она всегда так говорила.

– Полиция займется исчезновением Элизабет только сегодня вечером, – сказал он, подвигая к Татьяне газету, – а к тому времени все следы окончательно остынут, поэтому мне нужно узнать побольше об этой штуке.

Татьяна прочла заголовок и тут же поправила его:

– *Нам* нужно узнать.

«Плохая идея».

– После того, что случилось вчера ночью, ты останешься в отеле.

– Конечно. Ведь ты так великолепно говоришь по-французски, что без труда справишься один, – съязвила она.

И ведь она была права.

– Но все равно ты будешь делать то, что я скажу!

– Разумеется, – *с самым* невинным видом ответила Татьяна. – Так к кому мы пойдем сначала? К доктору Майер-Лански?

Хогарт покачал головой. Вчера вечером эта женщина ничем ему не помогла, и сейчас тоже вряд ли поможет. Он понизил голос:

– Обычно на аукционах такого рода потенциальные покупатели не появляются лично, а нанимают антикваров, чтобы те приобрели для них конкретный предмет. Поэтому мы понятия не имеем, кто на самом деле был заинтересован в этой игле.

– Но ведь тот миллионер, который ее купил, торговался лично, – заметила Татьяна.

– Гранквист… – задумчиво произнес Хогарт. – Верно, он исключение. Но им уже занимается Кольшмид.

– Тогда остаются антиквары. Значит, нам нужно поговорить с ними. Только мы ни одного не знаем.

– Месье Бонне, – напомнил Хогарт.

С ним доктор Майер-Лански разговаривала при них вчера вечером. Наверняка Бонне знает, какие антиквары до последнего соперничали с Гранквистом на аукционе. Возможно, кто-то из тех, кто в итоге остался ни с чем, решил заполучить иглу другим способом. А может, ее похитил человек, который был заинтересован в лоте, но вообще не участвовал в торгах. Пока это была его единственная зацепка.

Татьяна уже быстро печатала что-то в телефоне.

– Wi-Fi у них в отеле просто ужасный. – Она отпила немного морковного сока, снова провела пальцем по экрану и сказала: – Судя по сайту, месье Бонне очень милый старик. – ее лицо расплылось в улыбке, – и, представь себе, у него даже есть кошка. Он держит антикварную лавку на набережной Сены, прямо у моста Пон-Нёф.

Хогарт поднялся из-за стола.

– Похоже, наша экскурсия по Парижу все-таки состоится, – сказал он, надевая очки от солнца.

Глава 11

Месье Бонне стоял в глубине своей антикварной лавки и сыпал корм в аквариум. Суматранские барбусы жадно бросались за ним, хватая лакомые кусочки с поверхности воды.

Рядом, у его ног, сидела Жужу – черная персидская кошка. Она мурлыкала и смотрела на хозяина с таким умоляющим видом, словно была ужасно голодна, хотя на самом деле ей давно не мешало бы сесть на диету.

– Размечталась, дорогая, – с улыбкой сказал Бонне.

Он с тихим стоном опустился на колени и дружески похлопал Жужу по мягкому заду. Кошка ласково потерлась головой о его руку.

Почти наверняка он был единственным антикваром во всем Париже, который жил с кошкой в своей лавке. Но Жужу отличалась безупречными манерами: она никогда не запрыгивала на мебель, где могла оставить свою шерсть, не мочилась где-попало и не точила когти о дорогую обивку. Настоящее маленькое чудо. Казалось, в прошлой жизни она сама была антикваром и прекрасно понимала цену каждому уникальному, выставленному здесь предмету.

Многие покупатели регулярно заходили сюда лишь для того, чтобы повидаться с Жужу. В некоторых районах города имелись кошачьи кафе, а его магазин был единственным в своем роде – настоящей антикварной лавкой с кошкой.

Все еще стоя на коленях и поглаживая Жужу, Бонне услышал, как открылась входная дверь.

– Покупатель, – тихо сказал он кошке. – Если пришли не только полюбоваться тобой, возможно, мне удастся что-нибудь продать. Тогда у нас снова будут деньги на твой корм. Так что веди себя прилично! – Кряхтя, он поднялся на ноги.

В этот момент он услышал, как задребезжала табличка Ouvert-Fermé[14], а затем зашуршали жалюзи. В лавке мгновенно стало темнее.

«Какого черта?»

Прихрамывая на больную ногу, он поспешил в переднюю часть магазина.

Тут же раздался звон ключа в замке. Обычно, пока лавка была открыта, ключ всегда оставался с внутренней стороны двери.

– Кто там? – крикнул он.

Он различил силуэт стройной женщины, которая быстро приближалась к нему. Узкие брюки, облегающий свитер – и маска.

– Что?.. – только и успел выговорить Бонне.

Но женщина уже оказалась рядом и без малейшего предупреждения ударила его в лицо.

Бонне услышал хруст своего сломанного носа. Затем на несколько секунд его сознание отключилось. Когда мысли вновь прояснились, он лежал на полу, ощущая во рту вкус крови, стекавшей из носа.

– Деньги… деньги в кассе, – с трудом произнес он. Сердце бешено колотилось. Сейчас он больше переживал за Жужу, чем за собственную жизнь. – Там больше трех тысяч евро. Не нужно меня бить, я.

Женщина переступила через него, схватила за запястье и потащила вглубь магазина.

– Забирайте мои деньги! – вскрикнул Бонне, закашлялся и выплюнул кровь.

Он заметил, что на ней были черные шнурованные ботинки на толстой подошве. В следующую секунду острая боль пронзила его запястье.

– Вы делаете мне больно!

---

[14] Открыто/закрыто *(фр.)*.

Женщина отпустила его. Тяжело дыша, Бонне лежал на полу рядом с аквариумом. Между старинной вазой и зеркальным столиком, съежившись в темноте, пряталась Жужу. Ее глаза были широко раскрыты от страха.

Женщина наклонилась к нему.

– Для кого вы должны были купить костяную иглу на аукционе?

– Что? – Бонне был сбит с толку. – Вам нужны не деньги? Я.

Женщина с силой ударила его по лицу.

– Для кого вы должны были купить костяную иглу?

Бонне заметил, что голос у нее молодой, под стать спортивному телосложению.

– Я не имею права раскрывать имена своих клиентов. Обратитесь к организатору аукциона, она…

Женщина выпрямилась, шагнула к аквариуму и с размаху ударила по нему локтем. Стекло разбилось вдребезги, все содержимое хлынуло наружу. Рыбы, песок и водные растения вывалились на пол, а вода огромной лужей растеклась по паркету. Нагреватель так и остался висеть на осколках разбитого стекла.

Брызги попали Бонне в лицо. В следующее мгновение женщина схватила его за плечи, рывком подняла, вцепилась в затылок и вдавила его голову в пустой аквариум.

– Имя! – прошипела она.

Бонне на мгновение замешкался. «Проклятье, имя!» От потрясения он не мог собраться с мыслями.

В следующую секунду женщина с силой протащила его горлом по острым, как бритва, краям разбитого стекла.

Глава 12

– Надо было ехать на метро, – раздраженно сказала Татьяна, глядя в окно.

– Тогда я не смог бы послушать твой замечательный диск, – парировал Хогарт и прибавил громкость. Маленький юркий «пежо» оказался единственной машиной с CD-плеером, которую им удалось взять напрокат в аэропорту.

– Вот мост Пон-Нёф, – сказала Татьяна. – Кстати, это самый старый мост Парижа.

– И что?

– Да так. neuf по-французски значит «новый».

«Всезнайка!»

Хогарт уже нашел мост на навигаторе и теперь высматривал место для парковки.

С трудом втиснув машину в узком проулке между двумя грузовиками, они направились к мосту и вскоре нашли антикварную лавку Бонне. Она представляла собой лишь дверь и темную витрину, заставленную всяким старьем: картинами, вазами, зеркалами, комодами в стиле барокко. Впрочем, ценники, начинавшиеся от трех тысяч евро, ясно давали понять, что это отнюдь не хлам.

Жалюзи за дверью были опущены, лишая возможности заглянуть внутрь. Была видна только табличка Fermé[15]. Тем не менее Хогарт нажал на ручку. Заперто.

– Напрасно мы сюда приехали, – заметила Татьяна и уже хотела повернуть обратно, но Хогарт остался стоять.

На табличке в витрине были указаны часы работы: вторник – с 8:00 до 12:00 и с 15:00 до 18:00. Хогарт взглянул на часы. Было 9:30.

– Позвони по этому номеру. – Он указал на телефон под часами работы.

Татьяна достала мобильный и набрала номер. Сквозь закрытую дверь Хогарт услышал приглушенную трель телефона. Татьяна посмотрела на него и покачала головой.

– Никто не отвечает.

– Ладно, клади трубку. – Он достал из кармана набор отмычек и выбрал подходящую для дверного замка.

У Татьяны округлились глаза.

– Ты что делаешь?

– Вот почему я не хотел брать тебя с собой. – Хогарт вставил оба инструмента в замок и попытался сдвинуть засов.

– Сюда идут люди, – прошипела Татьяна.

Хогарт поднял голову. Они стояли прямо у Пон-Нёф – моста, ведущего на вытянутый остров Сите, где возвышался собор Нотр-Дам. Здесь постоянно сновали прохожие. Тем страннее было, что лавка оказалась закрыта, хотя должна была быть открыта, а мобильный хозяина лежал внутри и никто не отвечал на звонки.

– Видишь где-нибудь табличку «В отпуске» или «Сейчас вернусь»? – спросил он.

– Нет.

Он снова принялся возиться с замком. «Черт!» Замок не поддавался, а по тротуару уже приближались две женщины с детской коляской. Хогарт выдернул отмычку и всем телом навалился на дверь. Замок с треском вырвался из рамы, и Хогарт едва не ввалился внутрь.

– Петер! – вырвалось у Татьяны.

Только бы сейчас не взвыла сигнализация, иначе ему конец! Но ничего не произошло. Это выглядело еще более

– Ты с ума сошел? – прошипела Татьяна.

---

[15] Закрыто *(фр.).* странно. В такой лавке сигнализация наверняка была, и, похоже, ее почему-то отключили.

– Тихо. Заходи и закрой дверь, – велел Хогарт.

Она тут же юркнула внутрь и плотно прикрыла дверь.

– Ты вчера уже успел настроить против себя полицию, а теперь…

– Неправильно! Это полиция настроила меня против себя, – поправил ее Хогарт. – И потом, чутье подсказывает мне, что здесь что-то не так. – Он кивнул на дверь. – Видишь? Ключ торчит в замке с внутренней стороны.

Татьяна протянула к нему руку.

Хогарт хлопнул ее по ладони.

– Не трогай!

Он огляделся. Магазин оказался куда просторнее, чем выглядел снаружи: помещение уходило далеко в глубину. Из-за заставленной витрины и опущенных жалюзи внутри царил полумрак. Все пространство до самого потолка было забито антиквариатом, и лишь посередине оставался узкий проход.

– Здесь все выглядит точь-в-точь как у тебя в кабинете, – заметила Татьяна, следуя за Хогартом вглубь магазина.

Она знала, о чем говорила. После школы она часто заходила к нему, выпытывала подробности очередных расследований и заодно неизменно подтрунивала над царившим у него беспорядком. И действительно, Хогарт постоянно притаскивал с блошиных рынков старые киноафиши, рекламные плакаты, виниловые пластинки и видеокассеты.

В глубине магазина он вдруг наступил в лужу. Среди осколков стекла и растекшейся по полу воды беспомощно бились маленькие желто-черные рыбки. Рядом сидела толстая черная кошка и, довольно мурлыча, уплетала одну из них.

– О нет! – Татьяна тут же опустилась на колени и принялась собирать рыбок в сложенные лодочкой ладони.

«Дело плохо!» Хогарт огляделся и увидел разбитый аквариум. На острых краях стекла ему почудились следы крови и клочки кожи. «Да нет, все еще хуже».

Пока Татьяна пыталась спасти рыбок, Хогарт схватил кошку за загривок и поднял ее. Ну и тяжеленная же.

– Позвони в полицию, – бросил он Татьяне. – И не дай себя отфутболить. Пусть пришлют криминалистов и экспертов. И ничего не трогай!

– Но рыбки!

– Посади их в какую-нибудь емкость с водой. – Кошка попыталась вырваться, но Хогарт крепче сжал ее загривок, и она сердито зашипела. Он посмотрел на ошейник. – Похоже, Жужу, ты уже успела позавтракать.

Пока за его спиной Татьяна, запинаясь от волнения, объяснялась по телефону, Хогарт двинулся дальше вглубь магазина. Теперь он заметил тонкую полоску крови на полу. Она тянулась к закрытой двери и уж точно не могла принадлежать ни одной из рыбок.

Черт, и оружия у него с собой не было.

Он быстро огляделся и схватил первый попавшийся предмет – старую деревянную кофемолку. Удобнее ухватил за металлическую ручку. Опустив кошку на пол – та сразу же побежала обратно к аквариуму, – Хогарт распахнул дверь ударом ноги и вошел внутрь, держа кофемолку наготове.

– Месье Бонне? – позвал он. – Je m'appelle Peter Hogart. Je suis détective privé[16].

Больше сказать было нечего. Если бы кто-нибудь сейчас набросился на него, он без колебаний обрушил бы кофемолку ему на голову. Но никто не появился.

Хогарт находился в складском помещении, которое было заставлено вещами еще больше, чем торговый зал. Вдруг за одним из стеллажей он заметил чьи-то ноги. На полу лежал пожилой

[16] Меня зовут Петер Хогарт. Я частный детектив *(фр.)*.

мужчина с кровоточащим горлом, отчаянно прижимающий ладонь к ране. Хогарт сразу узнал месье Бонне со вчерашнего аукциона.

– Вызывай скорую! – крикнул Хогарт в сторону торгового зала. – Быстрее!

Он поставил кофемолку на маленький столик, опустился на колени рядом с мужчиной, осторожно приподнял его, чтобы уменьшить кровопотерю, и бережно прислонил спиной к старинной подушке. Затем схватил с комода шелковый платок, скомкал его и прижал к ране.

Если ключ торчал в замке изнутри, значит, нападавший все еще здесь, промелькнуло в голове у Хогарта.

– Где грабитель? – прошептал он на ломаном французском.

Месье Бонне закатил глаза, Хогарт посмотрел в ту сторону. В глубине склада, за еще одним рядом стеллажей, виднелась дверь черного хода. Она была приоткрыта, и в щель пробивался дневной свет.

– Все будет хорошо, – тихо сказал Хогарт. Похоже, рана не слишком глубокая, иначе крови на полу оказалось бы гораздо больше.

Внезапно глаза Бонне расширились, и он уставился поверх плеча Хогарта в сторону двери. Хогарт резко обернулся.

На пороге стояла Татьяна с вазой в руках. При виде Бонне у нее открылся рот, а руки задрожали.

– Мне удалось спасти пять рыбок…

– Только. не урони ее. – прохрипел Бонне по-немецки. – Это. ваза династии Мин.

Глава 13

Татьяна осторожно поставила вазу с рыбками на пол и выбежала на улицу встречать машину скорой помощи.

Тем временем Хогарт продолжал прижимать ткань к ране, одновременно следя за тем, чтобы дыхательные пути Бонне оставались свободными и тот не потерял сознание.

– Вы выживете, – успокаивал его Хогарт, хотя теперь видел, что рана куда серьезнее, чем ему показалось сначала. Впрочем, знать об этом Бонне было незачем. – Отрастите бороду – и шрама никто даже не заметит, – добавил он на смеси немецкого и своего ужасного французского. – Говорю по собственному опыту.

– Merci beaucoup.[17] – прохрипел Бонне.

Хогарту еще никогда не доводилось видеть в человеческих глазах столько благодарности. Бонне казался воплощением доброты.

– Кто это с вами сделал? – спросил Хогарт, чтобы не дать старику потерять сознание.

– Женщина в маске.

– Женщина?

Бонне попытался кивнуть, но из раны тут же снова потекла кровь.

– Мне повезло…

Хогарт покачал головой.

– Нет, дело не в везении. Она не собиралась вас убивать. – На этот раз он говорил правду.

На лице Бонне отразилось недоумение.

– Если бы хотела, вы были бы уже мертвы. И потом, ей незачем было бы скрывать лицо под маской.

На мягких лапах к ним подошла кошка. Прижавшись брюхом к полу, она тихо кралась вперед и громко мурлыкала – скорее от отчаяния, чем от удовольствия.

– Жужу. – прохрипел Бонне.

Благодарный, что кошка осталась цела, он попытался протянуть руку, чтобы ее погладить. Животное сразу же прижалось к нему всем телом.

– Что ей было нужно? Деньги? – спросил Хогарт, хотя не заметил ни взломанной кассы, ни открытого сейфа.

– Имя одного клиента.

«Значит, ей нужна была информация». По спине Хогарта пробежал холодок. Он невольно вспомнил Элизабет.

– Это связано с аукционом, на котором продавали костяную иглу?

Бонне робко кивнул.

– И вы назвали ей имя?

Старик снова кивнул.

Конечно, назвал. Иначе рана на его горле была бы куда глубже.

– Вчера вечером я тоже был на том аукционе, – сказал Хогарт, еще раз назвал ему свое имя и объяснил, что Элизабет Доменик его спутница жизни.

– Знаю, немец.

– Нет, я. – «Не важно!» Для французов все, кто говорит по-немецки, – немцы. Хогарт лишь кивнул.

В этот момент снаружи завыла сирена скорой помощи. Он почувствовал, как напряженные плечи Бонне облегченно опустились. Сам Хогарт тоже испытал огромное облегчение, что старик не умер у него на руках и теперь им займутся профессионалы. Из торгового зала уже

[17] Большое спасибо *(фр.)*.

доносился голос Татьяны, объяснявшей врачам и санитарам, как пройти в подсобное помещение. Через мгновение они появились с каталкой.

Хогарт снова подумал о женщине в маске. Нет, это наверняка не люди мадам Горгович-Медуньян. Они охотились за Элизабет и костяной иглой, а не за другим покупателем. Если только… иглу не украл кто-то из участников торгов.

– Вы помните, какие антиквары до конца делали ставки? – быстро спросил он, пока санитары еще не успели войти.

Бонне на мгновение закрыл глаза.

– Месье Мусташ, мадам Лафайет и господин Фликеншильдт, – ответил он.

– Фликеншильдт? – переспросил Хогарт. – Немец?

Бонне кивнул. Похоже, в мире антикваров все хорошо знали друг друга. Но вдруг Хогарт нахмурился.

– Постойте, до самого конца торги ведь вели четверо покупателей, помимо Гранквиста.

– Четвертым был я. – выдавил Бонне. Из уголка его рта снова потекла кровь.

В этот момент в помещение ворвались врач и санитары. Они мягко, но решительно оттеснили Хогарта в сторону и принялись за работу. Один из санитаров нетерпеливо оттолкнул кошку ногой, та сердито зашипела. Хогарт наклонился и поднял Жужу на руки. Бонне снова посмотрел на него с глубокой благодарностью.

Врач скорой помощи и один из санитаров уже возились с дыхательной маской и системой для капельницы на стойке. Судя по всему, они вот-вот введут Бонне наркоз и подключат его к искусственной вентиляции легких. Времени у Хогарта оставалось совсем немного. С кошкой на руках он еще раз протиснулся поближе.

– А кто был вашим заказчиком?

Похоже, Бонне думал о том же, о чем и он. Его клиент, возможно, находился в такой же смертельной опасности, как и он сам.

– Месье Руссо, – выдавил Бонне. – Найдите его. и, пожалуйста, позаботьтесь о Жужу.

После этого ему на лицо надели маску. Санитары подняли его на каталку и закрепили ремнями.

Хогарт кивнул. Черт, мало у него было проблем – теперь еще и кошка.

Пока Бонне везли через магазин к выходу, Татьяна подошла к Хогарту.

– Полиция уже здесь. Они хотят поговорить с тобой.

Да, в этом он нисколько не сомневался.

В торговом зале стояли двое полицейских в форме. Хогарт огляделся, но больше никого не увидел. Ни сотрудников уголовного отдела, ни криминалистов, как просила Татьяна. И конечно, ни один из них не говорил по-немецки.

«Ну, веселье начинается».

Хогарт показал им паспорт. Полицейские тут же передали данные по рации для проверки. Через минуту они знали, что вчера он уже давал показания в полиции. К счастью, Татьяне не пришлось переводить, так как он мог общаться с полицейскими на английском.

– В этой вазе династии Мин находятся рыбки из аквариума, а кошка принадлежит владельцу магазина, – объяснил Хогарт, пока Жужу прижималась к его груди. Животное постепенно становилось довольно тяжелым – зато понемногу начало ему доверять.

Молодой полицейский кивнул своей напарнице. Та забрала у Хогарта кошку и достала телефон, чтобы кому-то позвонить.

– Мне сообщили, что вы выбили дверь, – сказал полицейский. – Почему?

Хогарт бросил на Татьяну красноречивый взгляд, затем стряхнул кошачью шерсть с рубашки поло.

– Я хотел навестить месье Бонне и услышал крик из магазина, – соврал он. – Дверь была заперта, моя племянница вызвала полицию, а я вошел внутрь.

Татьяна бросила на него странный взгляд и тут же отвернулась. После этого на Хогарта обрушилось множество вопросов, но ни на один из них он не мог дать внятного ответа.

– Послушайте! – наконец сказал он. – Женщина, которая проникла сюда, была в маске и сбежала через выход складского помещения. Она тяжело ранила месье Бонне, потому что пыталась выведать у него информацию. Ее интересовал некий месье Руссо. Вам нужно как можно скорее отправить туда патруль. – Он прекрасно понимал, насколько нелепо это звучит. В Париже, вероятно, было столько же Руссо, сколько в Вене Мюллеров и Майеров.

– Франсуа Руссо, миллионер? – уточнил полицейский.

Хогарт пожал плечами:

– Без понятия. Наверное, да. – Кто еще мог позволить себе приобрести костяную иглу? Уж точно не какой-нибудь бедняк.

Полицейский кивнул.

– Пока мои коллеги будут допрашивать месье Бонне в больнице, патруль съездит к месье Руссо. Но вернемся к вам. Еще раз, почему вы сюда пришли?

Хогарт застонал и снова рассказал всю историю с самого начала.

Когда они с Татьяной наконец закончили давать показания, все-таки прибыли сотрудники уголовной полиции и криминалисты. Они оцепили место, все осмотрели, обыскали и сфотографировали. Затем все началось заново. Еще один допрос, на этот раз уже более профессиональный и подробный, но Хогарт выдержал и его – хотя с каждой минутой становился все нетерпеливее, пока драгоценное время уходило впустую.

– Можно мне вернуть паспорт? – наконец спросил Хогарт спустя целых полтора часа.

Комиссар покачал головой:

– Пожалуйста, зайдите еще раз в участок завтра утром.

«Что?» Пропавшая австрийка их почти не волновала, но теперь, когда дело касалось их соотечественника, они вдруг превратились в настоящих паникеров.

– А паспорт? – спросил он.

– Если честно, я сомневаюсь в вашей версии о том, что вы услышали крики месье Бонне о помощи и после этого выбили дверь. Мы оставим ваш паспорт у себя и запросим австрийскую уголовную полицию, не числится ли за вами чего-либо.

«Боже мой! Какое надуманное оправдание. Похоже на откровенное издевательство».

– И вы пока не имеете права покидать Париж, – добавил следователь.

Ну, этого он и так не собирался делать.

– Au revoir[18], – процедил Хогарт, взглянул на Татьяну и вышел вместе с ней из лавки Бонне.

Тем временем полуденное солнце уже палило вовсю. Хогарт посмотрел на Пон-Нёф. У каменной набережной Сены стояли многочисленные художники со своими ящиками и продавали картины, книги и сувениры.

– И что теперь? – спросила Татьяна.

Хогарт тяжело вздохнул. С тяжелым сердцем он посмотрел на Татьяну.

– Я хочу, чтобы ты улетела домой.

– Что? – Она широко раскрыла глаза. – Ты с ума сошел?

– Наоборот. Я хочу, чтобы ты вернулась в Вену. И желательно уже сегодня.

Во время допроса Хогарт полностью взял вину на себя, поэтому полицейские довольно быстро потеряли интерес к Татьяне и сосредоточились только на нем.

Она непонимающе смотрела на него. Он видел, как в ней постепенно закипает злость.

– Без меня ты в этом городе пропадешь.

[18] До свидания *(фр.)*.

– Человека чуть не убили, и будут новые преступления, – совершенно спокойно сказал он. – Возможно, Элизабет уже мертва… – Он глубоко вдохнул. – А даже если нет, мы должны быть готовы к жертвам.

Он вспомнил Руссо и предупреждение мадам Горгович-Медуньян. Возможно, он оказался втянут в какую-то войну за произведения искусства.

На лице Татьяны отразился ужас.

– О чем ты вообще говоришь?

– В Вене ты будешь в безопасности.

– Я могу тебе помочь, – не сдавалась она. – Нет, скажу иначе: *только я* могу тебе помочь!

– Мне не нужна рядом неопытная и слишком рьяная начинающая сыщица.

– Ты совсем рехнулся! – огрызнулась Татьяна.

Хогарт понимал, что это прозвучало жестоко. Но иначе Татьяна бы не поняла. И то, что она будет в безопасности у родителей и не окажется втянутой в неприятности, которых даже приблизительно не осознавала, было для него гораздо важнее, чем оставаться крутым дядей, на которого она смотрела с восхищением.

– Пока что уголовная полиция тобой не интересуется, – добавил он. – И паспорт у тебя на руках.

– Возможно, потому, что я вела себя вежливо, учусь в полицейской академии и почти что коллега им, – возразила она.

«А частных детективов, конечно, считают занудами-всезнайками».

– В любом случае ты можешь покинуть Париж. Когда все это закончится, я снова прилечу сюда с тобой.

– Но я не хочу никакой экскурсии по городу. Я тебе нужна! В твоем древнем смартфоне даже Интернета нет.

«Есть – просто я не очень умею им пользоваться».

– Я и без тебя справлюсь.

Она твердо посмотрела ему в глаза.

– Хорошо. Тогда скажу прямо: мне девятнадцать. Ты не можешь просто взять и отправить меня куда-нибудь!

У Хогарта заиграли желваки.

– А теперь нам стоит отправиться к этому Франсуа Руссо, – продолжала она. – Но обещаю: как только станет действительно опасно, я улечу домой. Договорились? – Она протянула ему руку.

– Договорились. – Он пожал ее руку. – Идем. – Хогарт уже хотел направиться к переулку, где была припаркована их машина, но Татьяна осталась стоять.

Она демонстративно помахала смартфоном.

– Франсуа Руссо – миллионер и известный коллекционер искусства. В Википедии даже есть статья о нем. – Она указала через мост. – Нам лучше пойти пешком. Он живет на вилле на острове Сите.

Хогарт глубоко вздохнул. «Quod erat demonstrandum»[19]. Похоже, он все-таки в ней нуждался.

Но спокойнее от этого ему все равно не стало.

[19] Что и требовалось доказать *(лат.)*.

Глава 14

Франсуа Руссо только что вернулся со встречи со своим банковским консультантом и у входа достал из почтового ящика газету. Поднимаясь к своей вилле, он уставился на заголовок: «Костяная игла продана на аукционе за 7,3 миллиона».

«Merde!»[20]

Он и так знал об этом с прошлого вечера, но теперь, когда увидел эту новость напечатанной черным по белому, она словно ударила его ножом в сердце. Он отпер дверь, вошел в холл дома и бросил газету на комод. Затем снял пиджак, разулся и надел домашние тапочки.

Бонне по его поручению участвовал в торгах до 6,9 миллиона. Больше он просто не мог себе позволить. Возможно, ему еще удалось бы каким-то образом раздобыть несколько сотен тысяч евро. Но думать об этом было бессмысленно: вовсе не факт, что этот скандинавский crétin[21] остановился бы на отметке в 7,3 миллиона. Возможно, цена взлетела бы и выше 10 миллионов. Игла, безусловно, стоила этих денег – тот, кто владел двумя или более частями цикла, многократно увеличивал их стоимость. Видимо, это понимали и другие участники торгов.

Как он мог предположить, что столько людей окажутся заинтересованы – да еще и готовы платить такие суммы? Даже то, что на его счетах все еще оставалось почти семь миллионов, совсем его не радовало. Именно поэтому он и ходил в банк. Ему придется найти другое направление, куда вложить свое состоя… Его мысли внезапно оборвались.

Он стоял перед гостиной и смотрел в темноту. Кто-то задернул шторы. Лишь через узкую щель пробивался тусклый свет. Какого черта?

Он быстро подошел к шкафу возле телевизора, выдвинул ящик и достал «вальтер», лежавший среди старых мобильных телефонов. Тут он услышал шорох из середины комнаты. Дрожащими пальцами он открыл второй ящик, нашарил магазин и вставил его в рукоятку. Шесть патронов. К шороху теперь добавился скрип. Из кресла, стоявшего к нему спинкой, поднялся человек.

– Кто вы? – крикнул Руссо. – Предупреждаю, я вооружен! – Он снял пистолет с предохранителя и передернул затвор. Оружие было готово к выстрелу.

– Bonjour[22], – произнес женский голос. Он звучал молодо.

Теперь Руссо увидел силуэт женщины. Она была стройной, спортивного телосложения.

«Это все просто кошмарный сон!» Он направил на нее оружие.

– Я без колебаний в вас выстре…

В этот момент в его кармане зазвонил телефон.

– Должно быть, это полиция, – сказала женщина. – Видимо, они хотят предупредить вас, что ваша жизнь в опасности.

Держа женщину на прицеле, Руссо дрожащими пальцами полез в карман брюк.

– Я объясню полиции, что это ваша жизнь в опасности.

Тут рядом с ним скрипнула половица. Не успел он повернуть голову, как металлический предмет ударил его в подбородок.

Руссо тяжело рухнул на пол, телефон отлетел по ковру в сторону. Этот тип наверняка сломал ему челюсть. Должно быть, воспользовался кастетом.

«Телефон слишком далеко!»

Преодолевая боль, Руссо попытался поднять оружие, но женщина уже стояла перед ним и наступила тяжелым ботинком ему на руку. Он даже не мог нажать на спусковой крючок.

---

[20] Дерьмо! *(фр.)*.

[21] Идиот *(фр.)*.

[22] Добрый день *(фр.)*.

«Хотя бы один выстрел! Соседи услышат шум и вызовут полицию».

Он стиснул зубы, согнул палец и сумел нажать на спусковой крючок. С облегчением он уже хотел отпустить рукоять. Пуля должна была пронестись по паркету и вонзиться в противоположную стену. но ничего не произошло!

Мужчина, который ударил его, посмотрел на свою сообщницу.

– Видишь, я же говорил тебе, что эта свинья выстрелит. – Затем он наклонился к Руссо: – Я просверлил капсюль у первого патрона и высыпал порох – это вывело ваше оружие из строя.

– Чего вы от меня хотите? – прохрипел Руссо.

– Продолжай сам! – приказала женщина и вышла из комнаты. Руссо услышал, как она прошла в столовую, откуда хорошо просматривалась улица.

– Пожалуйста, не причиняйте мне вреда, – взмолился он.

– Так же, как вы не собирались причинить вред моей коллеге своим оружием? – последовал насмешливый ответ.

– Моя жена умерла много лет назад. У меня есть юная дочь. Я воспитываю ее один. – Словно в подтверждение своих слов, Руссо приподнял голову и посмотрел на комод, где стояла фотография в рамке – он и Клоэ.

– Лежите и не двигайтесь!

Мужчина подошел к комоду, выбил фотографию из рамки и внимательно ее рассмотрел. Затем сложил снимок и спрятал в карман брюк. – Красивый белокурый ангел. Но она уже не такая юная.

Руссо заметил, что мужчина был в перчатках.

– Ей двадцать девять. Я все, что у нее осталось. Пожалуйста, не делайте мне ничего.

– Двадцать девять? – повторил мужчина. – Тогда она вполне сможет сама о себе позаботиться.

– Нет, не сможет, я…

– Перестаньте прикрываться своей дочерью, лицемер, когда умоляете сохранить вам жизнь. – Он снова наклонился к нему. – Сегодня вы умрете, – произнес он абсолютно спокойным и уверенным голосом. – От вас зависит только одно: быстро и без боли или медленно и мучительно.

«Это просто дурная шутка!»

– Вам не нужно этого делать. Я отдам вам все, что вы захотите.

– Нет, нужно! – Мужчина вытащил из-за пояса длинный кинжал.

– Это же. – выдохнул Руссо. Это был старинный кинжал, который обычно висел в коридоре, ведущем в западное крыло, где находились гостевые комнаты.

– Да, ваш. – Мужчина замахнулся и вонзил кинжал Руссо в тыльную сторону ладони так, что лезвие пробило руку и острием вошло в паркет.

Руссо хотел закричать, но мужчина опустился на колени позади него и зажал ему рот рукой. Руссо почувствовал запах кожи перчатки, ему стало трудно дышать, а в руке разлилась жгучая, невыносимая боль.

Затем мужчина приблизился и прошептал ему в ухо:

– Код от сейфа в кабинете!

Руссо мечтал потерять сознание, лишь бы прекратилась эта пытка. Но он в полном сознании переживал каждую секунду этого мучительного момента – момента, который казался бесконечным.

– Код от сейфа! – Мужчина сжал рукоять кинжала и повернул его. Кровь хлынула из тыльной стороны ладони.

Руссо от боли зажмурился.

– Пять-два-восемь-семь-три-девять. – выдавил он сквозь перчатку, – нет. три-восемь-девять… – На лбу выступил пот. Его затошнило.

И тут через окна из коридора в гостиную ворвались отблески синих мигалок и заплясали по потолку.

Женщина тут же быстрыми шагами вернулась в комнату.

– Торопись. Полиция!

Глава 15

Было уже полвторого, когда Хогарт и Татьяна шли по острову Сите. Солнце стояло в зените и нагревало воздух почти до летней температуры.

– Именно на этом месте был основан Париж, – объясняла Татьяна. – В 53 году до нашей эры Юлий Цезарь и его римские легионы заселили эти болотистые земли между реками.

– Далеко еще? – невозмутимо спросил Хогарт.

– Вот эта улица. – Татьяна назвала какое-то смешное французское название, которое Хогарт даже не смог бы выговорить, и свернула в переулок. – Это туристический район, так что больших вилл здесь вряд ли много.

За крышами домов виднелись две башни Нотр-Дама. Перед домами стояло множество мопедов, а еще здесь было несколько бистро с навесами и плетеными стульями на улицах. Среди деревьев можно было уютно выпить кофе.

Татьяна провела пальцем по экрану телефона.

– В одном из этих заведений, говорят, когда-то была Софи Марсо.

– Какой номер дома у виллы Руссо?

Она подняла взгляд.

– Понятия не имею.

– Не важно, нам больше не нужно это выяснять. – Хогарт кивком указал вниз по улице. Перед похожим на виллу старинным домом в конце переулка стояли две машины с включенными синими проблесковыми маячками. – Полагаю, мы нашли его резиденцию.

Татьяна сглотнула.

– Думаешь, с ним что-то случилось?

– Если это так, ты немедленно летишь домой.

Не говоря больше ни слова, они направились к вилле. Полицейский как раз натягивал ленту перед участком. За оградой были только кусты лавровишни и узкая полоска газона. Сразу за ней к дому вела лестница. По фасаду до самой крыши вился плющ. Еще один сотрудник в штатском осматривал дверную раму и снимал отпечатки пальцев с ручки.

В отличие от соседних домов в почтовом ящике не было ни рекламных листовок, ни газет. Видимо, кто-то уже успел забрать сегодняшнюю почту. Это означало, что преступление, скорее всего, произошло в первой половине дня. Возможно, совсем недавно.

– Мне нужно поговорить со следователем, – на ломаном французском обратился Хогарт к молодому человеку, который натягивал ленту. – Дело касается месье Руссо.

Полицейский поднял глаза.

– Вы знали этого человека?

«Знал?» Хогарт посмотрел на Татьяну, и ее взгляд подтвердил его подозрение. Очевидно, Руссо мертв. Скорее всего, его даже убили. А значит, у Хогарта ни единого шанса попасть внутрь, потому что уголовная полиция наверняка уже осматривала место преступления. Но ему нужно было попасть в дом и выяснить, нет ли там каких-либо улик или важных зацепок, которые могли бы ему помочь.

– Возможно, я могу сообщить вам кое-что о преступнике, – сказал Хогарт. Он понимал, что сильно рискует, делая такое заявление, но зато от него хотя бы не отмахнутся сразу.

– Что ты делаешь? – пробормотала Татьяна.

– Подожди.

Полицейский вошел в дом и вскоре вывел оттуда худощавого мужчину лет сорока, в джинсах и тонком темном свитере с высоким воротником. Это был уже другой следователь, не тот, что работал ранее в антикварной лавке месье Бонне, – вероятно, сюда сразу вызвали отдел по расследованию убийств.

Мужчина был в латексных перчатках. Он раздраженно посмотрел на Хогарта и Татьяну.

– Иностранная пресса?

Хогарт покачал головой. На английском он объяснил, кто они. Угловатое, покрытое оспинами лицо мужчины не выразило никаких эмоций.

– О'кей. И что вам известно? – спросил он по-английски.

– Это мы два часа назад сообщили вашему коллеге, чтобы он отправил патруль к месье Руссо, – сказал Хогарт и поведал ему дальнейшие обстоятельства.

Комиссар терпеливо все выслушал. Только один раз он слегка наклонил голову, и Хогарт заметил у него на шее татуировку.

– И от месье Бонне вы получили описание женщины-взломщицы, – повторил мужчина. – Bon[23]. Передайте моему коллеге свои данные и название отеля, где вы остановились. Завтра утром приходите в участок. Там мы официально запишем ваши показания. – Он достал визитную карточку, на которой было указано, что перед ними комиссар Арлан…

Хогарт с сожалением поморщился.

– Мы уже сегодня вечером улетаем, – солгал он. – Через несколько часов за нами приедет такси в аэропорт.

– Дьявол! – выругался Арлан. Он со стоном посмотрел на свои часы. Хогарт заметил, что на запястье у него такая же татуировка, как и на шее; вероятно, рисунок тянулся по всей руке вверх.

Арлан уже хотел что-то сказать, но замолчал, когда увидел, что по улице к ним направились несколько репортеров с камерами, а за ними – толпа любопытных.

– Хорошо, идите за мной. Но ничего не трогайте! – Они быстро поднялись по лестнице к входной двери. Перед холлом им выдали нейлоновые перчатки и бахилы.

Арлан отдал несколько распоряжений, поговорил с коллегами и наконец провел Хогарта и Татьяну в боковую комнату, где эксперты уже закончили работу. Это была своего рода гостевая комната: с люстрой, встроенным шкафом, столом, телевизором, телефонной розеткой и раскладывающимся диваном. В комнате с высокими потолками, украшенными лепниной, пахло холодным сигаретным дымом. Хогарт предположил, что вилле было как минимум сто двадцать лет – возможно, старая семейная собственность.

Шторы были раздернуты, и через окно виднелся узкий переулок сбоку от дома. Там тоже стояли несколько репортеров. Хогарт отошел от окна. Они с Татьяной сели на диван, а Арлан пододвинул стул.

Сначала он проверил документы Татьяны, затем удостоверение личности Хогарта. Если он сейчас заберет и его, у Хогарта останутся только водительские права. Но, к счастью, Арлан лишь сфотографировал оба документа на телефон. Затем Хогарт повторил свои прежние показания – только теперь Арлан записывал его на мобильный. После этого Хогарту наконец удалось рассказать следователю об аукционе, на котором была продана костяная игла, и исчезновении Элизабет.

Арлан нахмурился.

– И вы считаете, что исчезновение вашей спутницы жизни связано с костяной иглой, как и нападение на месье Бонне и убийство Франсуа Руссо?

При слове «убийство» Хогарт посмотрел на Татьяну. Она сглотнула. Если бы они вышли из лавки Бонне всего на час раньше, то, возможно, столкнулись бы с убийцей. Хогарт кивнул.

– Боюсь, Элизабет Доменик грозит смертельная опасность.

– Вы подали заявление о ее исчезновении?

---

[23] Хорошо *(фр.)*.

– Я… – Хогарт замолчал. «Это самая плохая шутка, которую я сегодня слышал!» Он подавил раздражение. – Я пытался, но полиция сможет что-либо предпринять только сегодня вечером.

– Bien sûr[24]. – Арлан поднялся. – Ждите здесь! Ничего не трогайте. Я проверю ваши показания.

Арлан исчез через дверь, ведущую в соседнюю комнату, чтобы переговорить с коллегой. Вскоре Хогарт услышал, как он разговаривает по телефону. Тем временем другой сотрудник продолжал наблюдать за ними через щель в двери. Хогарт и Татьяна, не двигаясь, сидели на диване. В соседней комнате сновали криминалисты в белых комбинезонах. Вспышки фотокамер постоянно освещали помещение. Доносившийся оттуда гул голосов становился все громче, сливаясь в один общий шум.

– Ты можешь что-нибудь разобрать? – прошептал Хогарт.

Татьяна приложила палец к губам и наклонила голову, прислушиваясь.

– Похоже, Руссо перерезали горло кинжалом… – сказала она через некоторое время, – в доме, кажется, ничего не пропало. только стенной сейф был открыт.

Затем гул голосов стих. Снова замелькали вспышки фотокамер. Хогарт смотрел через щель в двери. Сотруднику, который должен был за ними следить, как раз поступил звонок на мобильный. Он ответил и на мгновение повернулся к ним спиной. Хогарт несколько раз услышал слово chérie[25] – что звучало очень лично.

Хогарт вскочил, схватил трубку телефонного аппарата и, несмотря на перчатки, костяшкой пальца нажал кнопку с буквой R. Хотя он уже не помнил точно, что означала эта буква – rappel[26] или renumérotation[27], – он знал, что это кнопка повторного набора.

– Что ты делаешь? – прошипела Татьяна.

Когда послышались гудки, Хогарт приложил трубку Татьяне к уху.

– Я хочу узнать, кто ответит. – Он ждал, пока из аппарата не раздался искаженный голос.

Татьяна подняла на него взгляд.

– Автоответчик месье Бонне.

Хогарт положил трубку. Значит, они действительно пришли к нужному Руссо. В этот момент в комнату снова вошел Арлан. Хогарт повернулся к нему, выгнул спину и со стоном потянулся.

– Месье Хогарт, – произнес Арлан, и это прозвучало скорее как «месьё О'гард». – Вам придется отменить обратный рейс. Мы должны задержать вас здесь.

– Что?

Татьяна резко поднялась с дивана:

– Что?

Арлан провел пальцем по экрану телефона.

– Я запросил вашу вчерашнюю запись показаний в Опере, ваши сегодняшние показания в магазине месье Бонне, а

также материалы по делу вашей спутницы жизни. – Он поднял взгляд. – На этом месте преступления были обнаружены те же отпечатки пальцев, что и в магазине месье Бонне.

«Значит, взломщик и убийца – один и тот же человек, – подумал Хогарт. – И это женщина!»

– Мои коллеги уже прогнали отпечатки через систему, – продолжил Арлан.

---

[24] Конечно, разумеется *(фр.)*.

[25] Дорогая *(фр.)*.

[26] Повторный вызов *(фр.)*.

[27] Повторный набор номера *(фр.)*.

В животе Хогарта разлилось тяжелое, дурное предчувствие. Он уже догадывался, что сейчас услышит.

Арлан прочистил горло.

– Это отпечатки пальцев Элизабет Доменик.

Глава 16

– Какая чушь! – вспылил Хогарт. – Элизабет не убийца! Ее похитили. Или кто-то заставляет ее участвовать в этом.

– Сожалею. – Арлан покачал головой, стиснув челюсти так, что заходили желваки. – Вчера мои коллеги исследовали дубликат костяной иглы, сняли с него отпечатки пальцев и обнаружили частично пригодный для идентификации отпечаток большого пальца мадам Доменик. Он совпадает со следами, найденными здесь, на месте преступления.

– Вы сами сказали: частично пригодный! – парировал Хогарт. – Это еще ничего не доказывает!

– Mais oui![28] – Арлан с сожалением развел руками. – При совпадении в восемьдесят пять процентов… это было бы слишком невероятной случайностью.

Черт возьми! Ведь именно он вчера предложил криминалистам проверить отпечатки пальцев. И сейчас ему больше всего хотелось отвесить самому себе хорошую оплеуху.

– Может быть, после этого дубликат брал в руки кто-то еще? – предпринял Хогарт последнюю попытку.

– Но вы сами показали в протоколе, что мадам Доменик последней держала его в руках.

Возможно, он ошибся. Но кто еще мог прикасаться к игле? Где он просчитался? Он просто не мог поверить, что

Элизабет – убийца. Но если она действительно была здесь, что ей было нужно на этой вилле? И кто тогда убил Руссо? Неужели Элизабет оказалась втянута в опасную историю, стала жертвой шантажа и в итоге действительно скрылась с костяной иглой?

Арлан нахмурился.

– Судя по выражению вашего лица, вы и сами понимаете, что у нас есть вполне убедительная подозреваемая.

Хогарт промолчал. Он перевел взгляд на Татьяну. Сидя на диване, она словно съежилась и с тревогой переводила взгляд с комиссара на Хогарта и обратно.

«Проклятье!»

– Сядьте! – потребовал Арлан. – Или вы приехали сюда именно затем, чтобы узнать, что нам удалось выяснить?

Хогарт остался стоять.

– На что вы намекаете?

– Сомневаться и задавать вопросы – моя работа. Не исключено, что вы знаете гораздо больше, чем хотите показать. Хватит строить из себя дурака!

«Это уже ни в какие ворота не лезет!» Теперь он и сам оказался под подозрением? Хогарт уже был готов взорваться от возмущения, когда в дверь постучали. Полицейский ввел в кабинет молодую женщину. На ней были темно-синий брючный костюм и туфли на высоких каблуках. За собой она катила чемодан на колесиках такого же темно-синего цвета. На вид ей было лет двадцать восемь -тридцать. Длинные светлые волосы, узкие очки в тонкой металлической оправе, покрасневшие глаза. На сотрудницу полиции она совсем не походила, скорее на родственницу погибшего.

– Клоэ Руссо, – представилась она и протянула Арлану руку.

После того как полицейский ушел, они начали говорить по-французски. Хогарт понял лишь, что это, должно быть, дочь Руссо. Похоже, она только что вернулась из деловой поездки. Прозвучало имя Элизабет, и один раз комиссар указал рукой на Хогарта.

Наконец Клоэ повернулась к нему.

---

[28] Увы, да *(фр.)*.

– Значит, ваша знакомая убила моего отца? – спросила она почти без акцента по-немецки. Голос звучал холодно, без каких-либо заметных эмоций.

Хогарт удивленно поднял брови.

– Нет, не убила, – возразил он. – Я уже пытался объяснить это комиссару Арлану. Но, возможно, она знает убийцу или же сама стала его пленницей, к чему я склоняюсь.

Клоэ нахмурилась и внимательнее посмотрела на него. У нее было худое лицо, высокие скулы и длинные ресницы. Для женщины, которая только что узнала об убийстве собственного отца, она выглядела удивительно собранной, если не считать покрасневших глаз. Впрочем, каждый переживает потрясение по-своему.

Возможно, настоящее осознание случившегося придет позже.

– Мне очень жаль, что ваш отец мертв, – примирительно произнес Хогарт. Начало их знакомства вышло хуже не придумаешь. – Петер Хогарт.

Возможно, они смогут начать сначала.

– Bonjour. – Она протянула ему руку. – Клоэ, – представилась и коротко кивнула Татьяне. – Вообще-то он был мне не родным отцом, а отчимом.

– Прошу вас оставаться в этой комнате, пока мы не закончим допрос, – прервал ее Арлан. – До дальнейшего распоряжения вход во все остальные помещения закрыт.

Клоэ уже собиралась возразить, но комиссар жестом остановил ее. Он хотел добавить что-то еще, однако его окликнули. Пообещав вскоре вернуться и заняться ими, Арлан вышел. Хогарта это вполне устраивало. Теперь у них с Татьяной появилась возможность спокойно поговорить с Клоэ. Нужно было как-то развеять недоразумение, будто Элизабет имеет отношение к убийству. Но сделать это можно было лишь одним способом – найти настоящего убийцу и выяснить мотив преступления. И эта женщина вполне могла оказаться ему полезной.

Едва комиссар вышел, Клоэ направилась к боковой двери, намереваясь последовать его примеру. Однако путь ей преградил криминалист в белом защитном комбинезоне, который обрабатывал дверной косяк специальной кисточкой.

– O mon Dieu![29] – раздраженно воскликнула она, обернувшись к Хогарту. – Мой второй чемодан так и остался

«Если это сейчас волновало ее больше всего…» Похоже, смерть отчима действительно не слишком ее задела. Даже Татьяна выглядела куда более подавленной.

– Почему вы так хорошо говорите по-немецки? – с любопытством спросил он.

Клоэ принялась рыться в карманах пиджака, словно искала пачку сигарет.

– Я училась во Франкфурте и теперь работаю там в охранной компании OPS. Наблюдение – Личная охрана – Безопасность. Я как раз прилетела из Франкфурта. У Франсуа сегодня день рождения. а, проклятье. был бы день рождения. Вот дерьмо! Это полностью рушит все мои планы. Похороны, наследство, эта вилла. Господи, лучше даже не думать обо всем этом.

У Татьяны от изумления приоткрылся рот. Она была настолько ошеломлена, что не могла вымолвить ни слова. Клоэ, похоже, заметила выражение ее лица.

– Простите, наверное, я кажусь вам бессердечной дрянью.

– Каждый переживает горе по-своему, – дежурно сказал Хогарт, хотя на самом деле ему было очень трудно понять такую реакцию.

– Как я уже сказала, Франсуа был мне всего лишь отчимом. с тех пор, как мне исполнилось пять лет. Мама давно умерла. Это он своей махровой эгоистичностью свел ее в могилу. Став взрослой, я виделась с ним всего раз в году – в день его рождения. И, честно говоря, мне и этого более чем достаточно.

«Что ж, теперь и этому пришел конец».

---

[29] О боже мой! *(фр.)* в машине. После перелета я хотела принять душ и переодеться.

– Послушайте, – сказал Хогарт. – Я работаю примерно в той же сфере, что и вы. Я страховой детектив в Вене. А моя спутница жизни занималась вчерашним аукционом, на котором продавалась костяная игла.

– Ах, костяная игла. – На мгновение лицо Клоэ оживилось. – Франсуа упоминал о ней. Он ее купил?

Хогарт покачал головой:

– Нет. Лот достался одному шведу. Вы, случайно, не знаете, почему ваш оте. отчим так ею интересовался?

Клоэ растерянно пожала плечами.

– Искусство меня никогда не интересовало. Но, кажется, у него уже была похожая вещь. Он буквально сходил с ума по таким предметам.

«Похожая вещь?» – насторожился Хогарт.

– И как выглядит этот другой экземпляр?

Клоэ глубоко вздохнула, пытаясь вспомнить.

– Это фигурка, вырезанная из слоновой кости. Очень ценная, как он говорил. Примерно двадцать сантиметров в длину. – Она развела пальцы, показывая размер.

– Она похожа на иглу? – неожиданно спросил Хогарт.

Клоэ покачала головой:

– Нет. Скорее на какое-то животное. Помню, однажды он говорил о костяной лошади.

– Она тоже относится к двенадцатому веку? – продолжил расспрашивать Хогарт. Возможно, у мастера было несколько работ. – Может быть, ее создал художник по имени Биро?

– Да, вполне возможно.

Тут впервые подала голос Татьяна:

– Ваш отчим хранил ее в сейфе?

– Наверное… А почему вы спрашиваете?

Татьяна многозначительно посмотрела на Хогарта. «Значит, все дело именно в этой костяной лошади!»

Клоэ перевела взгляд на Хогарта:

– Похоже, вы оба знаете об этом Биро куда больше, чем говорите.

– Не так уж много, – возразил Хогарт. – И узнали мы все это только вчера, после того как Элизабет бесследно исчезла. Как и костяная игла. – Он крепко сжал губы.

Некоторое время все молчали. Картина происходящего постепенно начинала складываться. Оставался лишь вопрос: стоит ли ему пытаться вести расследование вместе с Арланом и французской уголовной полицией? Но даже если они окажутся вдвое сговорчивее венских коллег – в чем он сильно сомневался, – его все равно и близко не подпустят к материалам дела.

В любом случае нужно было позвонить Жирару. Возможно, удастся убедить его достать оружие, не поднимая лишнего шума.

– Петер… – обеспокоенно окликнула его Татьяна.

Но тут Хогарту пришла в голову другая идея – возможно, более действенная. Он посмотрел на Клоэ.

– Вы сказали, что работаете в охранной компании. – Он задумчиво потер щетину на подбородке. – Если я выйду на след Элизабет, то обязательно найду и убийцу вашего отчима.

Клоэ вопросительно посмотрела на него.

– И что из этого следует?

– Знаю, мы знакомы всего десять минут, но вы единственная, кто может мне помочь.

– В чем именно?

Хогарт понизил голос:

– Вы можете достать мне оружие?

– Петер! – вырвалось у Татьяны.

Но Клоэ продолжала спокойно смотреть на него, ничуть не удивившись, словно слышала подобные просьбы каждый день. Она задумчиво прикусила нижнюю губу.

– Откуда мне знать, могу ли я вам доверять? И вообще вы имеете право носить оружие?

Он молча выдержал ее взгляд. Сейчас все зависело исключительно от ее благосклонности.

– Вот. – Он протянул ей свое разрешение на ношение оружия.

Клоэ внимательно изучила удостоверение.

– Хорошо, возможно. Где вы остановились?

– В отеле Jardin, рядом с.

– Да, знаю. Как только комиссар Арлан выпустит нас отсюда, дайте мне час. Потом встретимся там и…

Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент дверь распахнулась и в комнату вошел Арлан в сопровождении двух коллег. Теперь предстоял настоящий допрос.

Глава 17

В половине пятого Хогарт наконец свернул на своем арендованном автомобиле на парковку позади отеля Jardin.

Арлан и его коллеги оказались далеко не дураками. Они проверили его показания вдоль и поперек. В итоге Хогарта и Татьяну отпустили, но Хогарту по-прежнему было запрещено покидать Париж. В историю о вечернем обратном рейсе Арлан с самого начала не поверил. Комиссар лишь пытался выяснить, зачем Хогарту так понадобилось попасть на виллу.

В конце Арлан снял у него отпечатки пальцев и вдобавок забрал удостоверение личности, чтобы тот уж точно не смог улететь домой. Теперь Хогарт оказался фактически заперт в Париже и в крайнем случае мог уехать домой поездом или на машине. Впрочем, он все равно не планировал этого делать

В сухом остатке картина выглядела так: Элизабет объявили в розыск по подозрению в краже, взломе, причинении тяжких телесных повреждений и убийстве. Поэтому подавать заявление о ее исчезновении уже не имело смысла – ее и так искали самым серьезным образом. И теперь Хогарту оставалось лишь надеяться, что он найдет Элизабет раньше полиции. Потому что та явно не собиралась приглашать ее на дружескую чашку кофе.

По крайней мере, допрос принес и одну хорошую новость: Татьяна больше не настаивала на том, чтобы любой ценой остаться в Париже. Если Клоэ согласится помогать ему в расследовании и переводить с французского, Татьяну наконец можно будет отправить домой.

Они вышли из «пежо», и Хогарт заметил, что у Татьяны дрожат колени. Она даже не взглянула в сторону площади художников на Монмартре, которая обычно приводила ее в восторг, не подняла глаз и к Сакре-Кёр. Вид у нее был такой, словно ей больше всего на свете хотелось забраться в постель, выпить снотворное и забыть обо всем.

В этот момент зазвонил мобильный. По привычке Хогарт первым делом подумал об Элизабет. Но звонил Кольшмид. Про эту кабинетную крысу он начисто забыл. Хогарт остановился и ответил на звонок.

– Я пока поднимусь наверх и соберу чемодан, – тихо сказала Татьяна.

Хогарт кивнул.

– И позвони в туристическое агентство. Пусть перебронируют тебе билет.

Она махнула рукой и направилась к отелю. Хогарт же переключился на разговор:

– Кольшмид?

– А я уже решил, что у вас сел телефон, вы его потеряли или сами бесследно исчезли. Почему вы не выходите на связь? Ну как там Париж? Погода хорошая? Улитки вкусные?

Хогарт поднял взгляд на Сакре-Кёр и, сам того не замечая, принялся считать окна под куполами.

– Кольшмид, может, вы наконец перейдете к делу?

– Именно к делу я и перехожу. Скоро истекают двадцать четыре часа, и «Медеен энд Ллойд» обязана подать заявление в полицию. Где костяная игла?

– Можете не беспокоиться. Полиция уже занимается этим делом.

– Замечательно! – язвительно отозвался Кольшмид. – И где же экспонат?

Хогарт проигнорировал вопрос. Идя через парковку, он заметил, что к отелю как раз направлялась свадебная процессия. Несколько автомобилей были украшены цветами и белыми лентами. С легкой грустью он посмотрел на молодоженов – сам он тоже представлял себе эти выходные куда более романтичными.

– Пока по этому делу у нас одно нападение с причинением телесных повреждений и один труп.

– Господи, я так и знал, что стоит вам ввязаться в дело – и все идет наперекосяк! Каждый раз одно и то же! – взорвался Кольшмид. – Некоторые коллеги здесь, в Вене, считают, что нам крупно повезло, раз вы оказались на месте событий. А вот я придерживаюсь совершенно другого мнения.

– Здесь произошло убийство! – снова попытался объяснить Хогарт.

Со стороны отеля раздался дружный хор поздравлений. В воздух полетели рис и разноцветный бумажный серпантин.

– Мы не уголовная полиция, не прокуратура и не суд! – рявкнул Кольшмид. – Меня это не интересует! Я хочу знать только одно: где костяная игла, которую мы застраховали более чем на семь миллионов евро?

Хогарт с огромным трудом удержался от желания запустить телефон в ливневую решетку. Впервые за много лет он снова почувствовал мучительную тягу к сигарете. Еще немного – и Кольшмид добьется того, что он опять начнет курить.

Наконец кабинетный умник, похоже, выпустил пар и был готов его выслушать. Хогарт вкратце рассказал, что произошло, умолчав лишь о том, что криминалисты обнаружили на месте преступления следы, которые могли принадлежать Элизабет. Кольшмид и без того был на пределе, кроме того, Хогарт не хотел лишний раз тревожить сердце Раста.

– Ладно, хватит, – тяжело выдохнул Кольшмид. – Завтра я прилетаю в Париж.

– Давайте, – буркнул Хогарт. Все равно отговорить его было невозможно. – Я остановился в отеле Jardin. – Он подумал о Татьяне. «С завтрашнего дня как раз освободится один номер. Только вот досадно, что он окажется аккурат рядом с моим». – Кольшмид, вы храпите?

– До завтра. – Кольшмид повесил трубку.

«До завтра». Хогарт убрал телефон в карман и, протискиваясь сквозь толпу гостей, вошел в отель. Вместо того чтобы ждать лифт, он бегом поднялся на четвертый этаж. Открыл дверь своего номера – и в шоке отпрянул. Шкаф был распахнут настежь, все ящики выдвинуты. Его одежда и вещи Элизабет валялись по всему полу, рядом с комодом лежал раскрытый чемодан. Матрас и основание кровати были вырваны, а со стены над кроватью даже сняты картины.

Осторожно войдя в номер, Хогарт машинально потянулся за телефоном. Международный номер службы спасения был сохранен у него первым в списке контактов, чтобы в экстренной ситуации не терять ни секунды. Палец уже завис над кнопкой.

Балконная дверь была открыта, штора задернута. Легкий ветерок гулял по комнате, вздувая ткань. Носком ботинка Хогарт осторожно сдвинул раздвижную дверь ванной. Чтобы не смазать возможные отпечатки пальцев, он нажал выключатель локтем. Лампа вспыхнула с легким мерцанием. В ванной тоже все было перевернуто вверх дном. Несомненно, взломщик искал костяную иглу.

«Татьяна! А если она застала преступника на месте?»

Хогарт уже хотел развернуться и через балкон перебраться в ее номер, когда краем глаза заметил в зеркале ванной чье-то отражение. Позади него стоял человек в маске. Хогарт успел лишь вскинуть руку, но в следующее мгновение мощный удар пришелся ему в висок.

Перед глазами мгновенно потемнело, и, теряя сознание, он отчаянно попытался ухватиться хоть за что-нибудь. Тут с балкона донесся приглушенный крик Татьяны.

В следующую секунду Хогарт рухнул на пол.

Глава 18

Хогарт очнулся где-то между ванной и кроватью. Сначала он почувствовал на губах привкус запекшейся крови, а потом – боль. Все еще лежа на ковре, он осторожно подвигал челюстью из стороны в сторону. Кажется, ничего не сломано.

Он с трудом поднялся и сел на кровать – колени подкашивались, руки дрожали. У него кружилась голова, к тому же его ужасно тошнило. Наверняка сотрясение мозга.

Он встал, пошатываясь, добрался до ванной, достал из косметички аспирин, запил его глотком воды – и его тут же вырвало. Проклятье! Желчь стекала у него из уголка рта. Он уставился на свое отражение в зеркале. Зрелище не из приятных. Влажным полотенцем он сначала вытер кровь с лица, смочил лоб и проглотил еще одну таблетку. На этот раз без воды.

«Татьяна!»

Спотыкаясь, он вышел на балкон и направился к ее номеру. К счастью, балконная дверь была открыта. Он отодвинул штору и вошел внутрь. Здесь тоже царил полный разгром. Татьяны не было и следа.

Хогарт сунул руку в карман брюк – по крайней мере, телефон все еще был при нем. Он набрал номер Татьяны. Как только установилось соединение, из-под груды белья донесся приглушенный звонок ее телефона. С мелодией одной из ее песен. Он тут же прервал вызов.

Телефон находился здесь – ее самой не было.

Теперь это дело стало для него по-настоящему личным. А значит, он во что бы то ни стало должен разобраться в этой проклятой истории. И без полиции. Так будет быстрее и без лишней бюрократии.

Он открыл дверь номера Татьяны и повесил снаружи на ручку табличку: Prière de ne pas déranger – Do not disturb[30]. Пока никто из персонала не должен был заметить, что здесь произошло. Затем он запер комнату изнутри и снова вышел на балкон.

Шумная толпа свадебных гостей, задержавшихся после торжества, прошла через парковку и направилась к входу в

На мгновение он оперся о перила. В дальнем конце парковки стоял его арендованный автомобиль. На асфальте поблескивали осколки – боковое стекло было разбито. Значит, им оказалось мало перерыть обе комнаты, они еще знали, на какой машине он ездит. А это означало, что либо они были прекрасно осведомлены о нем, либо внимательно за ним следили.

Кто же за этим стоял? Головорез мадам Горгович-Медуньян, похоже, поверил ему, что он понятия не имеет, где находится костяная игла. Тогда кто – Гранквист? Или газетная статья подняла слишком много шума и теперь какой-нибудь случайный охотник за наживой решил воспользоваться ситуацией и прибрать костяную иглу к рукам?

Хогарт собирался это выяснить.

Он вошел в свой номер и закрыл балконную дверь. Здесь царил такой хаос, словно по комнате пронесся тайфун. И все же на полу он заметил нераспечатанную пачку Stuyvesant, которую уже три года хранил на крайний случай. Хотя он не сомневался, что сигареты давно выдохлись и на вкус не лучше сухой травы, он все равно наклонился за ними. В тот же миг голову пронзила такая боль, что, казалось, череп вот-вот расколется. Он повертел пачку в пальцах. «Нет, тебя я пока не открою. Для этого должно случиться что-то похуже».

---

[30] Не беспокоить *(фр., англ.).* отель. Из коридора тоже доносился громкий смех. «Ну да, веселитесь себе на здоровье!» В этой суматохе Татьяну наверняка незаметно вывели из отеля – и наверняка никто не вспомнит молодую женщину с броскими черными дредами, которые, возможно, спрятали под шапкой.

Он уже хотел сунуть пачку в нагрудный карман поло, как вдруг нащупал там сложенный листок бумаги. С любопытством развернув его, он увидел написанное от руки послание на плохом немецком:

«В пятница полночь труп племянницы всплывает в Сена – или костяная игла здесь! Без полиция!»

Хогард едва не рассмеялся в голос. Очередной срок, который ему кто-то назначал! «Да это просто какой-то дурацкий розыгрыш!» Как он должен был отдать то, чем не владел? Или раздобыть вещь, о местонахождении которой он понятия не имел?

«Плевать, всем не угодишь!»

Почему эти типы вообще решили, что он, будучи иностранцем, сможет найти костяную иглу во Франции быстрее, чем кто-либо другой? «Потому что они, очевидно, считают, что Элизабет причастна к этому делу, а ты знаешь ее лучше всех!» – сам же ответил он себе.

«Но что, если она действительно скрылась вместе с иглой?» – раздался где-то глубоко внутри голос, которого он на самом деле совсем не хотел слышать. Татьяна посеяла в нем эту мысль.

Если теперь и он начнет сомневаться в невиновности Элизабет, то может сразу все бросить и предоставить дело полиции. Он поспешно отогнал эту мысль. Чтобы спасти жизнь Татьяны, у него был только один шанс: выяснить, что произошло во время аукциона, где находится Элизабет и кто владеет костяной иглой.

«Но сначала тебе нужно оружие!»

Второй раз он застать себя врасплох не позволит.

В этот момент в дверь постучали. Как ни странно, пульс у него оставался на удивление спокойным. Он быстро окинул комнату взглядом, схватил полную бутылку минеральной воды за горлышко и открыл дверь.

В коридоре стояла Клоэ. Она переоделась: теперь на ней были джинсы, черный свитер и крепкие кроссовки. Через плечо была перекинута коричневая сумка.

– Bonjour, – сказал он, быстро взял ее за руку и втянул в комнату.

– Mon Dieu![31] – вырвалось у нее. – Что здесь произошло?

Он закрыл дверь и поставил бутылку.

– Наши с Татьяной номера обыскали, а нашу арендованную машину вскрыли.

Клоэ все еще потрясенно смотрела на беспорядок.

– Вам нужно обратиться в полицию. Лучше всего сразу к комиссару Арлану.

Не говоря ни слова, Хогарт протянул ей записку, которую достал из нагрудного кармана.

– Вот дьявол, – выругалась она, прочитав сообщение. – И что вы теперь будете делать?

– Если я пойду с этим в полицию и подам заявление о взломе и похищении, коллеги Арлана будут часами меня

Она пристально посмотрела на него, и, хотя у него сейчас были совсем другие заботы, он заметил, как привлекательно она выглядела в этой простой одежде и с длинными светлыми волосами, которые теперь были распущены.

– И что же вы собираетесь делать? – напряженно спросила она.

Хогарт промолчал, потому что не был до конца уверен, стоит ли посвящать ее в свои планы.

– Как я уже понял после исчезновения Элизабет Доменик, нет смысла привлекать полицию, – осторожно сказал он. – Кроме того, теперь Элизабет разыскивают по подозрению в убийстве. А вся эта полицейская операция, помимо всего прочего, только поставит под угрозу жизнь Татьяны.

---

[31] Боже мой! *(фр.)* допрашивать и, возможно, даже установят за мной наблюдение. Тогда у меня будут связаны руки на ближайшие несколько дней.

Клоэ кивнула.

– Что снова возвращает меня к вопросу: что же вы собираетесь делать?

Он сжал губы.

– Как я уже сказал, сейчас вы единственный человек в Париже, который может мне помочь.

Она с шумом выдохнула.

– В данный момент из-за смерти Франсуа на меня и так много всего навалилось.

– Да, я знаю, мне действительно очень жаль, но… – Хогарт замялся. – Вы достали то, о чем я вас просил?

Она запустила руку в сумку и вытащила пистолет.

– Просто так? – удивленно спросил он, не спеша забирать оружие.

– Не просто так! Я, разумеется, навела о вас справки. У вас хорошая репутация как у независимого страхового детектива.

– И откуда вы это знаете?

Она пожала плечами.

– Я работаю в охранной компании в Германии. Но все же. – Она подняла руку. – Если вы меня обманете или предадите, то об этом пожалеете.

– Понятно. Постараюсь этого не делать.

Она вложила оружие ему в руку.

– «Зиг-зауэр», 9 на 19 миллиметров, – удивленно сказал Хогарт. Не какой-то дамский пистолетик, а оружие с калибром, способным остановить человека. Он вынул магазин – двенадцать патронов – и затем снова вставил его на место. Передернул затвор, услышал щелчок, с которым первый патрон вошел в патронник. Потом снова вынул магазин, вытряхнул патрон и вставил его обратно. Пистолет производил хорошее впечатление. – Откуда он у вас?

– Один мой друг владеет… ну, скажем так… оружейным магазином в пригороде Парижа.

– Никаких документов, никаких формальностей?

Клоэ покачала головой:

– Не для меня.

«Значит, нелегально». Он кивнул.

– Merci. Сколько с меня?

– Скажем так: мой друг был мне кое-что должен – а теперь вы будете мне должны.

Значит, вот в чем дело. Он вопросительно посмотрел на нее.

– Хорошо. и чего же вы хотите?

– Я навела справки и о комиссаре Арлане. Он не отличается большим умом. Но если вы найдете убийцу моего отчима и это действительно окажется ваша подруга, я хочу знать правду.

Хогарт нахмурился.

– Еще недавно казалось, будто смерть вашего отчима вам безразлична.

– Так и есть. Мы с Франсуа никогда не были особенно близки, к тому же с годами все больше отдалялись друг от друга. Он был эгоистом и в первую очередь заботился только о собственном благополучии. – Она сделала паузу. – Но убийца взломал его сейф и украл то, что стоит несколько миллионов, как я сейчас знаю.

– Костяную лошадь?

Она задумчиво кивнула, но ничего не сказала.

– Это единственное, что пропало из его виллы, верно? – Хогарт не стал ждать ответа. – Вот почему его убили.

Теперь Клоэ подняла взгляд.

– Ну что, договорились?

Хогарт ненадолго задумался. «Но это была не Элизабет – и я докажу ее невиновность!»

– Договорились, – коротко сказал он, но затем добавил: – Но мы могли бы работать вместе.

Она скривила лицо. Похоже, предложение ей совсем не понравилось.

– Я помогу вам раскрыть убийство отчима, – предложил он, – а также вернуть костяную лошадь, если вы взамен поможете мне найти Татьяну, Элизабет и костяную иглу.

Клоэ молча запустила руку в сумку и достала второй пистолет. «Глок» с черными накладками на рукоятке, выемками под пальцы и удлиненным стволом. У него был тот же калибр, что и у его «зиг-зауэра», только магазин вмещал 17 патронов.

– Это мое личное оружие из моей комнаты в доме Франсуа. Полиция нашла его во время обыска, но не конфисковала, потому что у меня есть европейский паспорт на огнестрельное оружие.

– Из-за вашей работы в охранной компании?

Она кивнула.

– Что вы собираетесь с ним делать? – спросил он.

Она некоторое время молчала, прежде чем ответить.

– То же, что и вы.

– Не делайте этого в одиночку, – попросил он. – Мы могли бы работать вместе.

– У вас есть какая-нибудь зацепка?

– Есть. Идемте. – Хогарт надел пиджак, заткнул «зиг-зауэр» за пояс брюк сзади. Затем подтолкнул ее через дверь в коридор. Прежде чем запереть номер, он повесил снаружи на дверную ручку табличку:

«Prière de ne pas déranger».

Глава 19

Поскольку арендованный автомобиль Хогарта теперь был непригоден, а на собственной машине или на такси в вечерний час пик им все равно пришлось бы добираться слишком долго, они решили поехать на метро.

Было уже без малого половина седьмого вечера. Спускаясь по лестнице к станции «Пигаль» под искусно выкованной вывеской Métropolitain, Хогарт рассказал Клоэ, что узнал от месье Бонне. В частности, что мадам Лафайет и господа Фликеншильдт и Мусташ были теми самыми антикварами, которые до последнего участвовали в торгах за костяную иглу.

Клоэ тут же проверила имена в телефоне.

– У Фликеншильдта и Мусташа магазины находятся за пределами Парижа, а магазин мадам Лафайет – совсем рядом, у Триумфальной арки.

Хогарт взглянул на часы.

– Наверное, в это время он уже закрыт.

– Не раньше семи вечера, – ответила Клоэ и посмотрела на схему метро. До Триумфальной арки было всего девять станций, и без пересадки.

Вскоре они уже стояли плечом к плечу с бесчисленными пассажирами в переполненном вагоне, и поезд основательно трясло.

– Нам стоит попросить Арлана организовать охрану для Гранквиста и трех антикваров, – предложил Хогарт. – В конце концов, на месье Бонне напали и чуть не убили.

– Вы правы, но он все равно не обрадуется, если частные лица начнут вмешиваться в его расследование. – Клоэ достала из сумки телефон и протянула его Хогарту. – Хотите сами с ним поговорить?

Хогарт скривился.

– Нет, спасибо. – Он протянул ей визитку Арлана. – С вами он наверняка будет более сговорчив.

Клоэ сохранила номер Арлана в телефоне и позвонила ему. Другой рукой она то прикрывала рот, то зажимала свободное ухо. Хогарт некоторое время слушал, как она разговаривает, затем поезд метро вошел в поворот, и всех пассажиров дружно качнуло в одну сторону. Свободной рукой он поймал Клоэ за талию, не дав ей упасть. Потолочные лампы на мгновение замигали. Когда поезд снова пошел ровнее, Хогарт убрал руку.

Клоэ благодарно кивнула ему и продолжила сосредоточенно говорить. Наконец она убрала телефон.

– Это был один из коллег Арлана. Сейчас сам он не может говорить, но перезвонит.

Наконец они прибыли на станцию «Шарль-де-Голль». Хогарт наверняка заблудился бы среди бесчисленных выходов и эскалаторов, но Клоэ без труда нашла дорогу. Они прошли вдоль площади Шарля де Голля, огибая нескончаемый поток машин, бурливший вокруг Триумфальной арки, затем свернули с одного из широких проспектов, лучами расходившихся от огромной круговой развязки, в узкий переулок. Вымощенная булыжником неровная улочка, по обеим сторонам которой тянулись деревья, кафе, бистро и небольшие магазинчики, из-за своей узости оставалась в стороне от вечерних автомобильных заторов. Между домами пробивались лучи заходящего солнца, заливая улицу мягким оранжевым светом.

Уже издалека Хогарт заметил кованую вывеску с затейливым узором, указывающую на антикварный магазин мадам Лафайет. Магазин был как минимум втрое больше лавки месье Бонне: двухэтажный, с витриной во всю ширину фасада. Чугунная лестница с перилами вела в полуподвал, где находился вход.

Пока Клоэ спускалась вниз, Хогарт остановился и посмотрел на подъезжающее такси, которое замедлило ход и остановилось прямо перед антикварным магазином.

– Закрыто! – крикнула Клоэ снизу.

– В это время он обычно открыт? – спросил Хогарт, не отрывая взгляда от такси.

– Да.

Задняя дверь машины открылась. Пожилая элегантная дама с трудом выставила ноги наружу и попыталась опереться на костыль. Прежде чем водитель успел выйти, чтобы помочь ей, Хогарт уже оказался рядом. Он забрал у дамы костыль и предложил ей свою руку.

– О, merci beaucoup… – сказала она.

Ее хватка была крепкой. Остальную часть фразы он не понял.

Хогарт смутно припоминал, что видел эту женщину вчера на аукционе. При ближайшем рассмотрении она оказалась вовсе не такой старой, какой показалась ему сначала. Возможно, ей было около семидесяти. Но под глазом у нее был большой синяк, рука перебинтована, и в целом она выглядела довольно потрепанной.

– Мадам Лафайет? – спросил он.

Она кивнула. Затем начала что-то быстро говорить. Хогарт разобрал только слова «полиция» и «журналисты».

– Вы говорите по-английски? – с улыбкой перебил он ее. Она снова кивнула.

– В чем дело?

– Я не из прессы и не из полиции. Я всего лишь хотел задать вам несколько вопросов о вчерашнем аукционе… о костяной игле.

Глаза мадам Лафайет расширились, затем она сделала шаг назад и бросила беспомощный взгляд на таксиста.

– Я ничего не знаю. Я только что из больницы, и мне срочно нужно что-нибудь выпить и лечь.

Хогарт тоже посмотрел на таксиста.

– Pas de problème![32] – быстро сказал он и снова повернулся к мадам Лафайет. – Я тоже был вчера на аукционе. Я спутник жизни Элизабет Доменик.

Ее взгляд немного прояснился, словно она действительно начала смутно вспоминать.

– Рядом со мной стояла молодая женщина с черными дредами, моя племянница, – быстро пояснил он.

– Ах! – Скепсис в ее взгляде сменился узнаванием. – Спутник очаровательной ведущей аукциона. Вы разговаривали с мадам Майер-Лански.

– Да, в том числе.

Хогарт посмотрел на травмы мадам Лафайет, которые выглядели совсем свежими. Внутри у него разлилось тяжелое предчувствие. Возможно, к ней уже приходил тот же человек, который чуть не перерезал горло месье Бонне. И на этот раз он гораздо быстрее добился своего и получил нужную информацию.

Теперь к ним осторожно подошла и Клоэ, которая до этого держалась в стороне и прислушивалась к разговору. Пока Клоэ по-французски объясняла женщине, почему они хотят с ней поговорить, таксист высунулся из окна.

– Все в порядке? – крикнул он.

– Да, я знаю этого господина, большое спасибо, – ответила мадам Лафайет.

Хогарт захлопнул заднюю дверь машины, и такси уехало. Тем временем Клоэ закончила свое объяснение.

Взгляд мадам Лафайет сначала стал задумчивым, а затем в нем появилось любопытство.

– Значит, старину Бонне это тоже коснулось, – снова сказала она по-английски, чтобы Хогарт мог понять. Но

– Тоже? – переспросил Хогарт.

---

[32] Все в порядке *(фр.)*. на этот раз в ее голосе не было ни тени страха или недоверия.

Мадам Лафайет, тяжело опираясь на костыль, с трудом стала спускаться по ступенькам к входу в магазин. Хогарт поддерживал ее с другой стороны.

– Я и еще двое антикваров, которые вчера присутствовали на аукционе в Опере, подверглись нападению.

Мадам Лафайет добралась до двери магазина и отперла ее.

– Нападение совершила женщина в маске? – осторожно уточнил Хогарт.

Она решительно покачала головой.

– Это точно была не женщина. Высокий и крепкий мужчина.

«Проклятье!» Это не вписывалось в картину. Между тем Татьяна закричала в своем номере как раз в тот момент, когда его самого ударили и он потерял сознание. Значит, и в отеле тоже должны были действовать двое – следовательно, с самого начала в деле могли быть замешаны мужчина и женщина.

– Вам удалось что-нибудь разглядеть? – спросил Хогарт. – Цвет волос, родинку, акцент?

Мадам Лафайет вновь покачала головой.

– Кто были два других антиквара? – наконец спросил он.

Мадам Лафайет уже собиралась ответить, но в этот момент зазвонил телефон Клоэ.

– Это Арлан, – быстро объяснила она и ответила на звонок.

Клоэ некоторое время разговаривала. Хогарту несколько раз показалось, что он слышит французское слово, означающее «охрана». По-видимому, она пыталась убедить Арлана, что за предыдущими нападениями может скрываться нечто большее. Наконец Клоэ опустила телефон.

– Антиквары Фликеншильдт и Мусташ тоже подверглись нападению.

Мадам Лафайет кивнула:

– Как и я – прошлой ночью.

Клоэ посмотрела на перебинтованную руку мадам Лафайет:

– Судя по всему, вы еще довольно легко отделались.

Мадам Лафайет открыла дверь своего магазина.

– Насколько мне удалось узнать, Мусташа жестоко избили и сейчас он находится в отделении интенсивной терапии в состоянии искусственной комы. Больше врачи мне ничего не сказали.

Клоэ помрачнела.

– А Фликеншильдт только что умер в больнице от последствий внутренних травм.

Глава 20

– Арлан был не особо разговорчив, – объяснила Клоэ.

– Кому вообще понравится, когда кто-то вмешивается в расследование? – спросил Хогарт.

– Верно. – Клоэ улыбнулась. – Но я знаю одного человека из уголовной полиции. Правда, он работает не в центральном управлении, а в 12-м округе, но они все связаны между собой. – Она достала телефон. – Извините, я на минутку.

Она вышла из магазина, чтобы спокойно поговорить по телефону.

Тем временем Хогарт остался в магазине с мадам Лафайет. Та легла на диван под темными картинами в массивных барочных рамах. Хогарт принес аспирин и стакан воды из кухни в задней части магазина. Кроме того, он нашел кухонное полотенце и смочил его холодной водой.

– Вы очень добры, – пробормотала мадам Лафайет. Ее веки затрепетали.

– Спасибо, что вы вообще нашли в себе силы поговорить с нами, – ответил он. – Если хотите, я могу посмотреть на кухне, не найдется ли для вас чего-нибудь поесть.

– Нет, спасибо… – Она попыталась улыбнуться. – Мой сын придет сегодня вечером. Он обо мне позаботится.

После того как она сделала глоток воды, Хогарт положил ей холодное полотенце на лоб.

– Могу я еще кое-что спросить? Нечто важное.

Мадам Лафайет устало кивнула. Хогарт пододвинул стул.

– Тот мужчина, который на вас напал, что-нибудь украл?

– Нет.

– Полагаю, ему нужна была только информация.

Она снова кивнула.

– Он хотел узнать, для кого вы должны были приобрести костяную иглу? – предположил Хогарт.

– Да.

– Могу я спросить, кто это был?

– О, месье Хогарт… – Мадам Лафайет улыбнулась с закрытыми глазами. – Это конфиденциальная информация. Вы сами видите, что потребовалось, чтобы заставить меня говорить.

– Да, и я глубоко сожалею, но заказчики находятся в большой опасности. Как и месье Руссо, которого сегодня утром убили.

– Убили, говорите? – Она попыталась сесть, но тут же снова опустилась на диван. – Какой ужас.

– Я хочу найти тех, кто за этим стоит.

– И все же я не могу назвать имя. Она одна из моих лучших клиенток.

«Значит, женщина!»

– Но если с ней что-то случится из-за того, что вы промолчали, сможете ли вы когда-нибудь простить себя за это?

Она глубоко вздохнула, так что грудь ее приподнялась и опустилась.

– Я бы нарушила профессиональную тайну, если бы сообщила вам, что Мими Требич – одна из моих давних постоянных клиенток.

– Спасибо, – улыбнулся Хогарт. – Она немка?

– Ее предки – да, но семья уже давно живет во Франции – в одном из самых красивых особняков Версаля. Парижане знали и восхищались Мими как одной из лучших театральных актрис своего времени. Она настоящая гранд-дама театра – но, *oh, là, là*… – Мадам Лафайет махнула рукой, словно намекая, что Требич имела определенную репутацию.

– Вы, случайно, не знаете, за кого делали ставки господа Фликеншильдт и Мусташ?

– О Фликеншильдте я не знаю. Он был настоящим джентльменом, всегда держался в тени и молчал о своих клиентах как могила – а теперь он сам. – Она не закончила фразу. – Но Мусташ вчера вечером мне признался.

«Мусташ – „усы“ – странное имя. Возможно, какой-то псевдоним в этой сфере?»

– И что он сказал? – Хогарт подался ближе.

– Этого я вам, при всем желании, действительно не могу сказать.

– Но Мусташ находится в искусственной коме! – не уступал Хогарт. – Его клиенту все равно придется искать нового представителя.

Мадам Лафайет снова вздохнула.

– Ну хорошо… Этот Мусташ и так был скользким типом с весьма сомнительными клиентами. – Она сдвинула влажное полотенце и посмотрела на Хогарта. – Он постоянно приобретал предметы для Виктора Сезара – такой же темной личности, связанной с какими-то странными делами в Гавре. Я действительно рада, что не имею ничего общего с такими людьми.

На мгновение ее глаза закрылись.

– Большое спасибо. – Хогарт поднялся. – Я могу вам еще что-нибудь принести?

Она покачала головой.

– Мой сын скоро придет. около семи.

– Еще раз спасибо. Au revoir, – попрощался Хогарт и уже собирался уходить, когда мадам Лафайет снова глубоко вдохнула.

– У вас милая спутница. – ее глаза все-таки закрылись, – берегите ее.

Очевидно, в больнице ей дали сильное успокоительное.

– Да, хорошо. Кстати, это дочь Франсуа Руссо.

– Клоэ? – пробормотала мадам Лафайет. – Она же.

– Что? – спросил Хогарт.

В следующий момент она крепко заснула.

Глава 21

Хогарт закрыл дверь магазина и посмотрел на Клоэ, которая стояла наверху, на улице, и как раз закончила телефонный разговор.

– Кажется, мадам Лафайет уснула. – Он нерешительно остановился у входа. Дверь была закрыта, но не заперта. – Мы ведь не можем просто взять и уйти.

– Вы боитесь, что грабитель может вернуться? Или что в магазин снова кто-нибудь вломится?

– Именно. Ее сын скоро придет. Давайте подождем его, – предложил он.

– Хорошо. – Клоэ прислонилась к кованой ограде.

Хогарт поднялся по ступенькам обратно на улицу.

– Похоже, мадам Лафайет вас знает.

– Меня? Правда? Откуда? Я никогда раньше ее не видела.

– По крайней мере, она вас упомянула. Но потом заснула.

Клоэ нахмурилась.

– Возможно, мой отец был с ней знаком. Судя по количеству антиквариата у него дома, меня бы это совсем не удивило. Может, он как-нибудь рассказывал ей обо мне… Или, скорее, жаловался на меня. – Она скривилась. – Ему никогда не нравилось, что я уехала в Германию.

Возможно, именно это мадам Лафайет и хотела ему сказать. «Клоэ? Она же в Германии!» Хогарт снова посмотрел на нее.

– Что вам удалось узнать через ваши контакты?

Клоэ понизила голос:

– Мусташа и Фликеншильдта избили точно так же, как Бонне и Лафайет, чтобы они назвали имена и адреса своих заказчиков, которые.

– Хотели купить на аукционе костяную иглу, – закончил за нее Хогарт. – Это мы уже знаем. Мадам Лафайет действовала по поручению некой Мими Требич.

– Требич? Та самая актриса?

Хогарт кивнул:

– А Мусташ, похоже, работал на Виктора Сезара.

У Клоэ от удивления приоткрылся рот.

– На того преступника?

– Что вы о нем знаете?

– То же, что и любой француз. Что он босс преступного мира, которого прокуратура уже много лет безуспешно пытается привлечь к ответственности. Насколько я знаю, он живет где-то на атлантическом побережье.

Хогарт кивнул.

– В Нормандии, в Гавре. А Требич живет в Версале. Это, конечно, ближе, но тоже далековато. Жаль только, что мне так и не удалось выяснить, от чьего имени делал ставки Фликеншильдт. А он, к сожалению, уже мертв.

Клоэ с улыбкой помахала телефоном.

– Зато удалось мне.

– Ваш контакт так просто все рассказал?

– Рассказала. – Она лукаво улыбнулась. – Мой отец был очень уважаемым коллекционером в Париже. У него было много друзей.

«Но был и враг!»

– И для кого же Фликеншильдт участвовал в торгах?

– Он так же богат, как Требич, Сезар или мой отец, и может без труда выложить несколько миллионов.

Хогарт вопросительно посмотрел на Клоэ.

– Рафаэль Пеллетье, – сказала она. – Живет в Париже. Раньше был инструктором в одном из специальных подразделений парижской уголовной полиции, а теперь на пенсии и держит кафе.

– И он может запросто потратить несколько миллионов?

– Получил огромное наследство.

В этот момент подъехал мотороллер и остановился у магазина. За рулем сидел полный мужчина лет сорока, с трехдневной щетиной, в клетчатой рубашке лесоруба с закатанными рукавами. Сняв шлем, он тряхнул уже седеющей густой шевелюрой.

Он представился сыном мадам Лафайет. Клоэ объяснила ему, что мать ждет его внутри, хотя уже уснула. После этого они попрощались.

«Наверняка мадам Лафайет очень гордится своим отпрыском», – подумал Хогарт. Насколько утонченной была сама дама, настолько неотесанным выглядел ее сын.

Хогарт проводил взглядом мужчину, исчезнувшего в магазине, и они с Клоэ направились к Триумфальной арке.

– Вы знаете, где именно живет этот Пеллетье?

– Мое контактное лицо знает. Недалеко от площади Бастилии.

Хогарт вопросительно посмотрел на нее.

– К востоку от Нотр-Дама от Сены отходит канал с небольшой яхтенной гаванью. Это канал Сен-Мартен, который ведет к площади Бастилии.

– Значит, это совсем рядом. – Хогарт ускорил шаг. – Нам обязательно нужно поговорить с ним. Наверняка он сможет объяснить, что такого особенного в этой костяной игле.

Клоэ кивнула.

– При таких пробках на метро мы все равно доберемся быстрее.

– А Требич, Сезару и Пеллетье полиция должна предоставить личную охрану. – Он выразительно посмотрел на Клоэ. – Немедленно!

– Насчет Сезара я сильно сомневаюсь. Думаю, полиция скорее предпочла бы увидеть его мертвым. Но вы правы. – Клоэ достала телефон и снова набрала номер комиссара Арлана.

Глава 22

Рафаэль Пеллетье налил себе из кофемашины эспрессо, плеснул в чашку немного рома и поставил ее на поднос, закрепленный на его инвалидном кресле. Затем выехал из кухни, пересек гостиную, остановился у окна и раскурил трубку. Следом за ним шел Эктор. Его немецкая овчарка, уже совсем поседевшая, была рядом почти четырнадцать лет. С тех самых пор, как Пеллетье оказался прикован к инвалидному креслу.

Он затянулся трубкой и посмотрел в окно на канал с пришвартованными лодками. Прямо под ним была раскрыта маркиза его кафе. Яркая, в цветах французского флага – синем, белом и красном, – она давно стала визитной карточкой Chez Pelletier[33]. Совсем рядом находился один из входов в Les Bains Douches[34] – закрытый клуб для знаменитостей и супермоделей. Не раз глубокой ночью Пеллетье видел, как по переулку, пошатываясь, брела очередная знаменитость, оставляя за собой едва ли не кокаиновый след.

Но сейчас было начало девятого вечера. По всему городу зажигались огни, окутывая улицы мерцающим сиянием.

Через приоткрытое окно до него доносились смех посетителей и звон тарелок и бокалов. Сам он уже не мог

После той аварии с грузовым фургоном, в которой погибла его жена, а ему самому буквально раздробило ноги, Пеллетье больше не смог работать инструктором в уголовной полиции. Он вышел на пенсию и, использовав компенсацию за причиненный ущерб, страховку жизни жены и часть доставшегося от нее наследства, осуществил свою мечту – открыл собственное кафе. Кроме того, продолжил пополнять художественную коллекцию жены, используя оставленные ею средства. Это было его долгом перед Кристиной. Она хотела бы именно этого. Менее ценные картины французского ар-деко двадцатых и тридцатых годов украшали стены кафе, а настоящая жемчужина коллекции – практически бесценное полотно – хранилась в сейфе у него дома. Вчера он едва не потратил остаток состояния Кристины, чтобы приобрести еще одну ценную вещь. Но какой-то проклятый скандинав, якобы живущий в Париже, перебил его ставку.

– И все же, Эктор, мы сумели достойно пережить все это, правда? – проворчал он хриплым голосом, отпивая кофе.

Затем бросил псу собачье печенье, которое тот поймал на лету и тут же с аппетитом разгрыз.

– Тебе стоило познакомиться с Кристиной… – Он посмотрел на фотографию в рамке, стоявшую на комоде. – Она бы тебе понравилась. Гордая женщина. Любила собак, но вы все равно не поладили бы. – Он улыбнулся. – У нее была аллергия на шерсть, и ты бы без конца заставлял ее чихать.

---

[33] «У Пеллетье» *(фр.)*.

[34] Букв. Общественные бани и душевые *(фр.)*. работать – инвалидная коляска не позволяла, – но и отсюда следил за тем, чтобы сотрудники обеспечивали бесперебойную работу кафе. И дела шли превосходно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.